

Шамиль Куряев

РУССКИЙ ХЛЕБ
В ЖЕРНОВАХ
ИДЕОЛОГИИ

Шамиль Зякижанович Куряев

Русский хлеб в жерновах идеологии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49868306

Русский хлеб в жерновах идеологии:

ISBN 978-5-907189-69-0

Аннотация

Вопрос голода – ключевой вопрос бытия – является определяющим при оценке любой исторической эпохи. Это побуждает представителей противоборствующих идейных лагерей придавать большое значение продовольственной проблеме и ее историческим аспектам. Идейная борьба сопровождается активным историческим мифотворчеством – базирующимся на предвзятых публицистических работах, конъюнктурной беллетристике и алхимических манипуляциях с официальной статистикой. Характерной приметой времени является восприимчивость общества к историческим мифам, связанным с темой голода в России. Откровенная ложь тиражируется не только анонимными интернет-пропагандистами, но и известными людьми: политиками, писателями, представителями академической науки. В результате спекулятивные интерпретации и исторические фальшивки распространяются подобно эпидемии и усваиваются в

качестве «общеизвестных истин». Последнее обстоятельство актуализирует данную проблему, выводя ее за рамки узко-исторического явления.

Содержание

Введение	6
1	6
2	9
3	13
4	19
5	25
Часть I	29
Глава 1	29
Глава 2	34
Глава 3	50
Глава 4	68
Глава 5	79
Часть II	84
Глава 1	84
Глава 2	90
Глава 3	103
Глава 4	114
Глава 5	124
Глава 6	134
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Шамиль Куряев

Русский хлеб в жерновах идеологии

Прежнее изобилие забудется в этой земле из-за голода, который последует за ним, потому что голод будет жестокий.

Книга Бытия 41:31

Введение

1

Как известно, «времена – они меняются». Новые условия требуют новых решений, и никто не может позволить себе игнорировать вызовы времени. Даже тот, кто выстроил целую идеологию на лжи, сделал ложь основным своим занятием и на любые доводы оппонентов привык отвечать ложью, – волей-неволей вынужден реагировать на изменившиеся обстоятельства.

И реакция здесь может быть только одна: дальнейшая эскалация лжи. Лгать ещё больше, возводя старую свою ложь в квадрат и в куб! Единственно возможная стратегия – «глубокая наступательная операция» (как у предвоенного Генштаба) – безостановочно катящийся вал лжи, сметающий всё на своём пути; подавляющий уже самой своей запредельностью, своей чудовищностью!..

В этих условиях работа современных российских неосоветчиков ведётся по двум основным направлениям: всемерное возвеличивание СССР и беспощадная критика дореволюционной России. Собственно говоря, именно так и поступали их предшественники, коммунистические идеологи, на протяжении всех семидесяти лет своего правления. Однако

нынешние – ещё и рядятся при этом в тогу «ниспровергателей исторических мифов»! И несут порой такую дичь, что могут дать сто очков вперёд сказочникам советской эпохи...

С каждым годом левые «патриоты» всё яростней поливают грязью императорскую Россию. Следуя по старому пути, проложенному ещё ленинской «Искрой» и проторённому сталинским «Кратким курсом», по части вранья они зашли гораздо дальше своих учителей.

Именно этим объясняется возникновение современного мифа о голоде в предреволюционной России. Характерно, что миф этот – не советский, а постсоветский. «Царские голодоморы» сочинены не во времена СССР, а в сегодняшней РФ. Создатели мифа – не серые кардиналы идеологии и пропаганды из здания на Старой площади, а нынешние вольные неосоветчики.

Появление данного мифа в постсоветской России отнюдь не случайно. С одной стороны, это был жест отчаяния (подобно выдуманному коммунистами и сочувствующими незадолго до того «Плану Даллеса»...). Ход рассуждений создателей мифа очевиден: «мы – на последнем рубеже обороны», «мы оказались в критической ситуации – и тут любые средства хороши», «терять нам всё равно нечего – поэтому пробуем самые сильные меры», «если это нам чем-то поможет – отлично, а хуже уже точно не будет».

С другой стороны, это была вполне логичная «ответка» от коммунистов и прочих леваков; стремление как-то «пе-

рехватить повестку»...

Ведь в перестроечные и постперестроечные годы люди узнали слишком много страшной правды о Голоде в Поволжье 1921–го – 1922–го, о Голодоморе 1932–го – 1933–го, о голоде во время Ленинградской блокады, о Послевоенном голоде 1946–го – 1947–го. Полностью опровергнуть эту информацию оказалось невозможно (несмотря на все потуги неосоветчиков). Потому напрашивался другой путь: попытаться ослабить воздействие этой негативной информации на людские умы, «уравновесив» её. Перебить эти – ставшие уже общеизвестными – факты новой сенсационной информацией; ещё более негативной! Внушить людям, будто «при царе было ещё хуже» (это – в идеале), или хотя бы – что «в России всегда так было» (как минимально приемлемый вариант).

Давно известно, что лучший способ защиты – нападение.

2

Кроме того, само обращение неосоветчиков к этой теме было сильным ходом в борьбе за умы. Заговорив (со скорбной миной на лице и должной экспрессией в голосе) о жизни народа в предреволюционной России, неосоветчики били в самый нерв обывателя; апеллировали к психологии простого человека. При том что обыватель «охоч» до роковых моментов истории и громких исторических имён – особенно того, что касается частной стороны жизни и всяческих «тайн», – в глубине души он испытывает чувство отчуждения к миру власти, к «сильным мира сего», к хитросплетениям дипломатии и всей этой борьбе. Ведь сам–то он – не таков.

Поэтому надолго увлечься событиями большой политики, подпасть под обаяние тех или иных исторических фигур (тем паче – проникнуться сочувствием к ним) обыватель не способен. Даже романтический ореол, окружающий пошедших против Системы («вы жертвою пали в борьбе роковой»), – штука ненадёжная. Средний человек боится борьбы; избегает её сам и не очень понимает тех, для кого счастье – борьба. Ему–то ведь нужно только одно: «лишь бы его не трогали». Чтобы оставили его в покое; в его маленьком мирке, с его частными интересами и скромными радостями...

Потому не может обывателя «всерьёз и надолго» увлечь ни революционная героика (при всём обаянии «подпольщи-

ны»), ни контрреволюционная (при всей романтике Белого движения). Ибо и то и другое – удел социально активных, мыслящих и вообще «неравнодушных». Поэтому не может его глубоко пронять ни жертвенный порыв революционеро-героев, (несмотря на многолетний культ «борцов с Режимом»), ни трагическая участь Августейшего семейства (при всей сентиментальности сюжета). Как говорится: «За что боролись!..» Или: а чего ж вы хотите? – в высокой фортуне жить, что по стеклянному полу ходить.

Поэтому, кстати, сильно себе вредят те, кто «переживает» с подобными сюжетами! Такое явление как «перекорм» (с естественной ответной реакцией на него) никто не отменял.

А участь «простого народа» – это тема, близкая всем. И в этом, кстати, нет ничего предосудительного! Так и должно быть. В конце концов, чем же и мотивировалась от века (или, по крайней мере, прикрывалась...) любая социальная активность, идейная борьба, публичная политика и самая жертвенность? Разве не желанием облегчить участь простого человека?..

И эти соображения рано или поздно должны были стать правилом не только для актуальной политики, но и для исторических исследований! Со времён Школы «Анналов» дурным тоном считается выдавать войны и деяния правителей за историю народов. Действительно, почему подробности интриги графини Дюбарри, герцога д'Эгийона, канцлера Мопу и аббата Террэ против министра Шуазёля, занимав-

шие умы нескольких сотен аристократических фамилий, – должны вызывать больший интерес, нежели жизнь миллионов французских семейств той эпохи, во всей её многогранности и полноте (чем питались, в чём каялись, во что одевались...)?

Именно условия жизни простого народа, именно «миры повседневности» должны характеризовать любую историческую эпоху в глазах потомков и определять их отношение к ней! Проблема в том, что исследователи и в этом случае оказываются не менее пристрастными и «ангажированными», чем при описании жизни двенадцати цезарей.

А что может быть важнее в жизни простого человека (да и непростого...), нежели вопрос сытости и голода? Сыт ты или голоден? – это ключевой вопрос бытия. С просьбы о хлебе насущном начинается «Отче наш»; да и в ворожбе заговор на хлеб считался одним из сильнейших. Так что неосоветчики, решившие именно на этой теме наращивать политические дивиденды, всё рассчитали верно. Поскольку данный вопрос – ключевой, постольку он является главным в идейной борьбе! Победить противника в этом вопросе – значит одержать победу в борьбе за умы.

И пока наивные романтики поздней Империи учреждали «дворянские собрания», озабочивались «возрождением бальной жизни» и скорбели о царственных страстотерпцах, неосоветчики сосредоточили свои усилия на разработке и распространении новой чёрной легенды о России. Должного

отпора им не было – так что они вполне преуспели в своём деле.

Есть, правда, ещё один немаловажный момент, объясняющий широкую распространённость и популярность мифа о голоде в дореволюционной России: катастрофическое падение интеллектуального и образовательного уровня в российском обществе. Похоже, мы сейчас находимся на пороге новых, электронных, «тёмных веков».

Как это ни печально, но многократно возросший объём доступной информации, невиданные доселе лёгкость и быстрота её получения, – не увеличивают пропорционально стремления получать эту информацию! Тяга к серьёзным источникам (которые надо долго читать) встречается очень редко – скорее в порядке исключения. Большинство наших сограждан довольствуется короткими «информ–агитками», которыми переполнен интернет. Налицо примитивизация представлений о действительности; предельно упрощённое её восприятие...

Это – как раз та среда, в которой даже самый лживый и нелепый исторический миф может успешно распространяться, завоёвывая людские умы и обретая новых приверженцев.

Разберём же по косточкам анатомию этого мифа!

3

До поры до времени оставим в стороне Советскую власть с её холопьями (историками, демографами и экономистами, находившимися у неё на содержании). Пойдём «след в след» за нашими современниками – непосредственными разработчиками мифа о «голоде при царе». Посмотрим, от чего они отталкиваются в своём мифотворчестве, на чём основываются и что утверждают.

Прежде всего разберёмся с вопросом: что же они опровергают, чему противопоставляют собственные «открытия»?..

С этим всё просто. Надо сказать, что мифотворцам очень повезло с обстановкой; с самим моментом их «выхода на сцену»... Лучшего времени для успешного запуска очередной совковой «утки» выдумать было невозможно. Почва для этого была подготовлена на все сто!

К сожалению, колебания общественного мнения, смены его симпатий и антипатий заставляют вспомнить стадо... ну, скажем, антилоп. Несутся всей толпой в одну сторону; потом вдруг (напуганные, например, вертолётom) – не разбирая дороги, бросаются в противоположную. Единогласно и бестолково; под действием эмоций, а не разума... Примерно так же изменяется под воздействием внешних факторов вектор общественного мнения.

В пору горбачёвской гласности и первых лет ельцин-

ской свободы российское общество успело досыта нахлебаться дешёвой «антисоветчины» – глашатаями которой были, прежде всего, выпущенные из дурдомов диссиденты–русофобы и пошлые «мастера разговорного жанра». Одной из характерных примет той эпохи, наряду с оголтелым антисоветизмом (порой – откровенно идиотским, в духе «ста миллионов расстрелянных коммунистами»...), была столь же наивная идеализация дореволюционной России.

Представители старшего поколения наверняка вспомнят благостные сюжетцы в перестроечных телепередачах, формировавших общественное мнение, – «Взгляде», «Веди», «До и после полуночи» и т.д.

О, эти почтительные интервью с «бывшими», бодрые репортажи об успехах царской России (на фоне дореволюционной кинохроники), молчановское «скажите, кня–я–азь»!.. Ярким проявлением и символом тогдашнего помешательства стал фильм Сергея Говорухина «Россия, которую мы потеряли», вышедший в 1992 году. Это было что–то вроде хрущёвского «Русского чуда», только с обратной насечкой (и сделано было не по приказу партии, а по зову режиссёрской души).

Но вот сладкая ностальгическая одурь конца 1980–х – начала 1990–х прошла; мода на православие, самодержавие и белогвардейские романсы схлынула. Это был вполне естественный процесс: так обречено уйти всё наносное, искусственное, фальшивое, да ещё когда оно с налётом исте-

ризма... Однако в данном случае списать всё на капризницу–моду не получится: дело обстояло гораздо серьезнее и даже трагичнее.

Основная причина реанимирования «советской идеи» в российском обществе (наметившегося уже в 1990–х годах) заключалась в том, что ельцинская власть – плоть от плоти старой советской партноменклатуры! – старательно позиционировала себя как её антагониста. Людоедская политика 1990–х (ликвидация производств и отказ от поддержки села, рост цен и невыплата зарплат, жульническая «ваучеризация» и грабительская приватизация, коррупционные залоговые аукционы и бездонные оффшорные зоны, самоустрашение государства от роли арбитра в трудовых отношениях и свёртывание социальных гарантий, обнищание населения и чудовищное имущественное расслоение) подавалась как «единственная альтернатива социализму».

Свою откровенно антинародную экономическую политику ельцинские реформаторы определяли как единственно возможный «не социалистический» путь, а себя подавали как «правильных» капиталистов–рыночников – делающих то же самое, что делает (или уже сделал) весь остальной мир.

Неудивительно, что у людей, умных книг не читавших (положим, большинству это было и некогда: надо было как–то выживать!..) – зато сполна хлебнувших прелестей «дикого капитализма» периода «первоначального накопления капитала», «шоковой терапии» и практического социал–дар-

винизма, – стрелка симпатий и антипатий в очередной раз переменяла направление. Люди, ещё десять лет назад если не ненавидевшие, то откровенно презиравшие «Совок», посмеивавшиеся над ним, вдруг затосковали по брежневской стабильности.

Скромные социальные гарантии позднего социализма (обеспеченные, естественно, не «социалистическим способом хозяйствования», а тюменской нефтью и уренгойским газом!) внезапно оказались той «синицей в руках», которую вовремя не ценили. Практически все – кроме немногих приспособившихся и преуспевших «новых русских» – затосковали по былому «равенству в бедности»: пусть нелюбимой, но гарантированной работе; пусть плохой, но бесплатной медицине (школе, прочей социалке...); пусть медленной и несправедливой, но всё же продвигавшейся очереди на жильё.

Ну а как же весь «позднесоветский» негатив? – тотальный дефицит и всепроникающий блат; заведомая неконкурентоспособность любого отечественного товара по сравнению с импортным (если это не танк)? Глухое равнодушие советской промышленности к человеческим нуждам – к быту и «ширпотребу»? Многолетнее стояние в очереди ради покупки убогой автомашины – с непременным «режимом жёсткой экономии» для всей семьи (если ты не кавказец и не прибалт)? Унизительное «зарегимливание» и жёсткая регламентация всех сторон бытия; привычка государства властно

вторгаться в личную жизнь своих подданных (с «заслушиваниями», «проработками», «постановками на вид» и «взысканиями по партийной линии»)?

А регулярные – со школы и до пенсии – принудительные «десанты на картошку» и обязательное участие в позорных праздничных полит-шоу? Всеобщая обезличка и отсутствие свободы слова; жестокая цензура, вой высокочастотных «глушилок» и «железный занавес»? Всевластие партийных бездельников и невозможность самореализации для человека нестандартного, предприимчивого или просто желающего работать на себя (скажем, на земле...)? Вопиющая уравниловка в оплате труда и отеческая терпимость администрации к явным «девиантам» («главное – не высовывайся»)? И как следствие – запредельная алкоголизация населения и повсеместное бытовое пьянство?..

Предел же ночных грёз: «по распределению» получить «загранпутёвку», по которой раз в жизни выехать «за кордон» (естественно, в пределах «соцлагеря» и под присмотром «ответственного по группе»!). И всё это – ради того, чтобы (вместо познавательных экскурсий или весёлых походов по злачным местам) лихорадочно закупать для себя, родственников, друзей и начальства «импортный» «дефицит» (какой-нибудь жалкий чешский хрусталь, колготки или дублёнку) и потом всю жизнь рассказывать в компаниях о том, «как люди за границей живут»...

Всё это – или забылось или утратило былую остроту. А

некоторые вещи (вроде отсутствия свободы слова и невозможности реализовать свои таланты в условиях социалистического хозяйствования) для многих наших сограждан попросту непонятны либо малоценны – по причине отсутствия талантов и потребности самовыражения.

Для нынешнего же молодого поколения, не заставшего СССР, перечисление всех этих примет социалистического бытия – звук пустой. Их очень трудно оценить адекватно на расстоянии (особенно когда ностальгирующее старшее поколение об этом сознательно умалчивает!).

В результате – полюса общественных симпатий и антипатий снова поменялись местами.

Так что к концу «лихих девяностых» российское общество, в массе своей, оказалось необыкновенно восприимчиво к любой «просоветской» фразеологии. Маятник общественного мнения неудержимо повлекло влево – и размах этот должен был оказаться, по крайней мере, не меньшим, нежели его предыдущее отклонение вправо. Кстати, маятник! – вот ещё один (не менее точный, зато менее обидный) образ для передачи самой сути «общественного мнения».

Нашим неосоветчикам оставалось только воспользоваться удобной ситуацией – поставить паруса и постараться поймать переменившийся ветер. Они это и сделали... но сделали очень своеобразно. Благоразумно отказавшись от реальной политической борьбы (напряжённой, опасной и с более чем сомнительными перспективами), они сосредоточили все свои усилия на событиях и персоналиях минувшей эпохи.

Не станем их сильно осуждать за отсутствие гражданского мужества. В старой доброй Англии это называлось «честная игра» (джентльмен в обществе джентльменов делает свой маленький бизнес).

В самом деле! – к чему навлекать на себя громы и молнии власти, демонстрируя свою потенциальную опасность для неё и рискуя попасть под неиллюзорные гонения?.. Куда проще и спокойнее показать себя скромным тружеником

на ниве публичной политики, честно обрабатывающим свой участок электорального поля и не заявляющим серьёзных претензий на реальную власть. Стоящие у руля приземлённые практики–прагматики никак не могут воспринять такое «искательство» как реальную для себя угрозу!

Конечно, было бы большой ошибкой свести всё к чьему–то циничному благоразумию и деловой предприимчивости. Тем паче, в постсоветской России ряды неосоветчиков пополнялись (и продолжают пополняться) весьма пёстрой публикой. Развал Советского Союза стал для многих патриотов таким ударом, что заставил их кардинально пересмотреть свои взгляды.

Собственно говоря, зиновьевское «метили в коммунизм, а попали в Россию» к концу 1990–х стало общим местом!.. В дополнение к кондовым коммунистам и таким вот «прозревшим» титанам антисоветизма (и на смену им) пришли представители нового поколения. Так что на сегодняшний день «официальная правопреемница» советской идеологии – зюгановская КПРФ, стабильно представленная в парламенте, – являет собой лишь малый остров в неоглядном море неосоветизма...

Да ведь и «фокусировка на прошлом», если подумать, весьма действенна и прагматична! И силы, стоящие непосредственно у руля власти, нередко используют этот инструмент. Коммунисты – те всегда активно прикрывались «тяжёлым наследием» дореволюционной России. И «архитекторы

Перестройки» начали демонтаж Системы с очередной кампании «десталинизации». Но особенно показателен пример нынешней власти – которая в конце 1990–х вовремя почуяла «новые веяния», верно оценила их и сумела ими воспользоваться: ведь невозможно вообразить себе, чтобы несколькими годами раньше кремлёвские политтехнологи возвели в выигрышный контекст «кагэбэшное прошлое» нового кандидата в президенты.

Одним из проявлений этого «советского ренессанса» стала восприимчивость общества к чёрной легенде о дореволюционной России.

Всё логично! Если в конце 1980–х – начале 1990–х все знали ужасный Советский Союз и процветающую Российскую Империю (полумифический «золотой век», воплощение извечной тоски по «утраченному раю»...), то в конце 1990–х – начале 2000–х «потерянным раем» и ностальгически вспоминаемым «золотым веком» оказался уже Советский Союз (ну, а его антитеза – Российская Империя – была просто обречена обернуться адом).

Словом, для того чтобы «второе издание» чёрной легенды о дореволюционной России прошло на ура, к 2000–м годам имелись все необходимые предпосылки. Но нынешние светские и духовные власти постарались (словно нарочно!) дополнительно нагнать «градус неприятия»; всячески подмочить репутацию предреволюционной Империи в глазах современных россиян.

На всём протяжении «лихих девяностых» наша компрадорская власть старалась примазаться к «имперскому наследию»; главным образом – заимствуя помпезную поздне-имперскую атрибутику. Так, имперский триколор стал российским флагом уже в августе 1991 года – сразу после поражения ГКЧП. Имперский герб (в несколько упрощённом варианте) стал гербом Российской Федерации в декабре 1993–го – сразу после расстрела Верховного Совета. Этот герб – ровесник антирусской «ельцинской конституции»! И именно эта конституция вернула нижней палате парламента дореволюционное название: Государственная Дума (хорошо не боярская).

Учитывая то, кто нам возвращал все эти помпезные имперские виньетки и «в придачу к чему» они шли, приходится признать, что в сознании многих наших сограждан сам собой должен был выстроиться весьма негативный ассоциативный ряд! Коммунисты, со своей стороны, прилагали к этому все усилия: «власовская трёхцветная тряпка над расстрелянным парламентом». Что уж говорить о двуглавом орле на постоянно обесценивающихся деньгах? – тут даже никакой враждебной пропаганды не требовалось...

Есть и ещё один немаловажный момент. Известно, что олицетворением той или иной эпохи являются «знаковые фигуры» того времени; в первую очередь – правители. Недаром неосоветчики сделали своим знаменем (и вообще «опорной плитой» своей идеологии) личность Сталина! По-

смертная же судьба «знаковых фигур» поздней Империи – это прежде всего император Николай Второй и премьер–министр Столыпин – складывалась в постсоветской России... довольно оригинально.

Немалую роль в этом сыграла позиция Русской Православной Церкви. Состоявшееся в 2000 году причисление к лику святых императора Николая – крайне неудачливого и откровенно бесталанного правителя (при этом вполне заурядного, «средненького» человека) – вызвало в российском обществе ожидаемый эффект; естественно, отрицательный. Ещё больше его усилила сопровождающая прославление помпа и шумиха. К сожалению, теперь ей уже не суждено стихнуть никогда – такова уж особенность официального церковного почитания: иконы, храмы, торжественные службы, сугубо «благоговейная» трактовка любых слов, поступков и деталей биографии.

Диапазон эмоций, вызванных в обществе канонизацией Николая Второго, оказался достаточно широк: от смущения и досадливого недоумения (у людей умных и образованных) до исступлённой злобищи и беснования (у ярых неосоветчиков).

Однако самой распространённой реакцией было насмешливое ёрничанье – проявлением чего стал настоящий шквал циничных шуток, малопрстойных карикатур, ироничных комментариев к царским дневникам и т.п. (главным образом – на тему «святого охотника на кошек и ворон» и интимной

переписки с супругой). Остались довольны решением РПЦ разве что православные монархисты–самодержавники – и то далеко не все! – словом, та часть российского общества, которой при любых расчётах можно смело пренебрегать как «статистической погрешностью».

Мероприятие, затеянное из внутрицерковных соображений (одно из которых – примирение с РПЦЗ, давно уже канонизировавшей царскую семью), только повредило исторической памяти императора Николая, нанеся его престижу тяжёлый удар. Своим неоднозначным решением – сопровождающимся, к тому же, наивным приисканием хоть каких–то объективных оснований для такого шага – Церковь его буквально «отдала на растерзание толпе».

И дело ведь не только в личном престиже императора Николая! Канонизация царя, можно сказать, набросила тень сомнения на любую позитивную информацию о николаевской России (особенно – среди молодого поколения). С 2000 года любой «позитив», касающийся Империи Николая Второго, просто обречён наталкиваться на стену усугублённого скептицизма. Всякую же негативную информацию о том периоде общество готово воспринимать как «честную и неприукрашенную», и вообще – вызывающую доверие...

Не менее своеобразно складывалась посмертная судьба Петра Столыпина; безусловно, политического исполина и вообще – одного из самых ярких и симпатичных персонажей отечественной истории.

На первый взгляд, Столыпину «повезло». Ельцинская власть неизменно поднимала его на щит (но в то же время как-то хватило ума и вкуса не сделать из него ещё одного «святого Петра»...). Возможно, всё это было совершенно спекулятивно; однако нельзя исключать, что наши министры–капиталисты искренне испытывали по отношению к Столыпину некое ложное чувство родства. Ельцинским «либеральным реформаторам» явно импонировала жёсткость его аграрной реформы и особенно «ставка на крепкого собственника».

Похоже, они и впрямь думали, что формируемое ими словие бессовестного ворья – это и есть тот самый «крепкий собственник – опора России», о котором мечтал Столыпин! Самое смешное – то, что Столыпин, оказись эти аллилуйщики в его подчинении, наверняка распорядился бы перевести их куда-нибудь «на равную должность не ближе меридиана Урала» (как в своё время Мясоедова).

Как бы то ни было, одобрительные упоминания имени Столыпина и почтительные цитирования периодически ис-

ходили от представителей федеральной власти. Тут, конечно, просматривается явное лукавство! – стремление осла нарядиться в львиную шкуру. Чего стоит издевательское коверканье слов Столыпина черномырдинской НДР: «Нам нужна стабильная Россия!» словно коллективный вопль вороватой административно–хозяйственной номенклатуры: мол, не мешайте нам стабильно обогащаться – «не раскачивайте лодку», пока мы вас грабим... Можно ли избрать лучший способ опорочить имя государственного деятеля в глазах народа, обобранного властью?!

Характерно, что официальное почитание Столыпина как центральными, так и региональными властями сохранялось и в 2000–е годы.

В 2002–м ему устанавливают памятник в Саратове (и сама площадь становится Столыпинской). В 2008–м Правительство Российской Федерации учреждает новую награду – Столыпинскую медаль двух степеней, которой в разные годы будут удостоены тоже... разные люди (иные со временем непременно попадут в какой–нибудь «Чёрный список имён, которым не место на карте России»). В 2012–м власти устанавливают памятник Столыпину прямо у Белого дома, резиденции Правительства РФ, – словно заявляя о себе как о продолжателях его дела! В 2014–м памятник Столыпину появляется в Серпухове, в 2017–м – в Челябинске.

Небезынтересно и создание в 2006 году так называемого Столыпинского клуба, объединяющего «рыночников–ре-

алистов».

Это, вроде бы, неплохо – когда власть воздаёт должное выдающемуся реформатору, но... для памяти Столыпина, пожалуй, было бы лучше, если бы министры из экономического блока Правительства публично поносили его и охаивали! А так – люди видят, слышат, запоминают... У многих, наверно, и выводы напрашиваются: «свои славят своего»; «те – были такие же». Так что навредить памяти человека в глазах толпы можно не только клеветой и оплёвыванием! Порой и дифирамбы – даже искренние, но расточаемые одиозными персонажами, – выполняют ту же работу не менее успешно.

К слову сказать, и неосоветчики основной огонь своей критики (читай: клеветы) сосредоточили на «знаковых фигурах» в стане противника. То есть опять же – на императоре Николае и премьере Столыпине (ну, ещё на адмирале Колчаке и писателе Солженицыне...). Именно на них и поныне сконцентрированы «лучи ненависти»!

Вот такая картина наблюдалась «на историческом фронте» на заре 2000–х – когда перегруппировавшиеся и организовавшиеся неосоветчики, пополнившиеся молодыми кадрами, перешли в решительное наступление и начали с новой силой раскручивать маховик антиимперской «негативной пропаганды». А достаточно уже развитые к тому времени средства массовой коммуникации – общедоступный интернет, социальные сети – немало поспособствовали эпидемическому распространению этой чумы. Всем старым со-

ветским «агиткам» и новоделным историческим фальшивкам был обеспечен быстрый и лёгкий доступ к читательской (зрительской, слушательской...) аудитории.

И на просторы Рунета излились мегатонны лжи!..

Часть I

По старым прописям

*Из всех усилий самое трудное – воздержание
языка. Оно же – самое необходимое.
Лев Толстой*

Глава 1

§ 1.1. Итак, что «разоблачают» неосоветчики? На чём точат свои перья?.. Приторно–идиллических описаний до-революционной России; сусально–пряничных, благостно умильных, донельзя лакирующих и ретуширующих действительность, – пруд пруди! Нет смысла переводить бумагу на перечисление всех образцов эмигрантского и диссидентского красноречия. Достаточно будет привести в качестве примера выдержки из произведений таких видных мастеров слова как Владимир Солоухин и Александр Солженицын. Эти образы предреволюционной России (порождённые воображением авторов) интересны тем, что были любовно выписаны ими ещё в советскую эпоху.

Вот как живописал Россию начала 20–го века Солоухин в своём романе «Последняя ступень»: «Ну, Кольцову прости-тельно. Во–первых, естественна его ненависть к России, во–

вторых, обманывать людей была их задача. Но вы—то лучше меня знаете, что Россия ходила не в лаптях.

Россия ходила в сапогах, прочных, смазанных дёгтем, а то и хромовых. Россия ходила в тёплых валенках, в полушубках, в тулупах, в сюртуках, в косоворотках, в сарафанах, в высоких женских сапожках, в длинных платьях, в картузах, в цилиндрах, во фраках, в крахмальных манишках, в костюмах—трояках, в крылатках (как, например, пролетарский писатель Горький), в лисьих шубах, в собольих шубках, в бобровых шапках и воротниках, в персидских шаялях, в голландских кружевах, в ярких ситцах, в сукне, в соломенных шляпках, под яркими зонтиками, в шёлку и атласе, в коралловых бусах (если взять Украину), в нарядных черкесках (если возьмём Кавказ), удобных и здоровых для тамошнего климата халатах (если взять Среднюю Азию).

Дублёные женские шубки с опушками, украшенные и вышитые, были обыкновенны в России. Да и вообще странно было бы в России хотеть что—нибудь купить и не купить. Не найти, не достать, по—нашему. В России было всё, что было в тогдашнем мире, да сверх того было немало и своего, российского».

А вот как представлены жители «Руси уходящей» в романе Солженицына «В круге первом»: «Лица, которые ещё можно встретить на старых семейных фотографиях, но которых уже нет вокруг нас. Это — светящиеся старорусские лица мужиков, пахарей, мастеровых — крутые лбы, окладистые

бороды, до восьмого десятка свежесть кожи, взора и мыслей. Это – те лица девушек, у которых уши завешены незримым золотом от бранных слов, девушки, которых нельзя себе вообразить в скотской толкучке у танцплощадки.

И степенные старухи. Серебряноволосые священники в ризах, так и идут.

Монахи. Депутаты Государственной Думы. Перезревшие студенты в тужурках.

Гимназисты, ищущие мировых истин.

Надменно–прекрасные дамы в городских одеждах начала века. И кто–то, очень похожий на Короленко. И опять мужики, мужики...»

Потом – в перестроечные и постперестроечные годы – все эти штампы были растиражированы и повторены уже многими (с теми или иными вариациями и дополнениями).

Вот, например, описание предреволюционной России в книге «Омут памяти» бывшего «архитектора Перестройки», члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева: «Господи! Какое же это было время! Лев Толстой порадовал мир «Хаджи–Муратом» – величайшим художественным шедевром. Бунин, Чехов, Блок, Куприн, Рахманинов, Скрябин, Стравинский, Станиславский, Качалов, Шаляпин, Серов, Репин, Суриков, Павлов, Вернадский, Мечников... Россия развивалась невиданными темпами, импортировала всё меньше и меньше, экспортировала всё больше и больше. Блестящие финансы, передовая наука».

Словом, потерянный рай. Помним, скорбим.

§ 1.2. Правда, приведённые выше слова из романа Солженицына «В круге первом» – не авторские, а одного из персонажей книги; однако и там авторский настрой вполне понятен...

Ну и чем же опровергают эту аркадскую идиллию наши неосоветчики? – цитатами из ленинских статей в газете «Искра»?!.. Конечно, у некоторых, наиболее узколобых публицистов – прежде всего это касается марксистско–ленинских начётников из КПРФ – и дореволюционные ленинские агитки наличествуют, куда ж без них: «Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожая, которые возвращались все чаще и чаще» («Рабочая партия и крестьянство»).

Но большинство нынешних неосоветчиков слишком хорошо понимают, что одной руганью Ульянова–Ленина и авторов сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» сегодня никого не охмуришь! – нужны иные свидетельства, более убедительные. Желательно – как бы «беспристрастные», «со стороны» (читай: не исходящие непосредственно из революционного лагеря). Совсем хорошо – если они взяты из легальной дореволюционной литературы и периодики (что уже расценивается как наличие штампа «Написанному верить!»).

Некоторые авторы пользуются особым успехом у сего-

дняшних неосоветчиков – так что редкая публицистическая статья о дореволюционной России обходится без выдержек из их работ. Однако ж эти авторы были очень плодовиты и на своём веку успели понаписать очень много всякого–разного... Но неосоветчики любят их не за это, а за те несколько абзацев, которые они постоянно и с видимым удовольствием цитируют (судя по характерным пропускам и обрывам текста – нещадно передирая полюбившиеся цитаты друг у друга).

Приведём и разберём наиболее вопиющие примеры такого «утилитарного подхода» к наследию предков.

Глава 2

§ 2.1. С особым пиететом наши леваки относятся к свидетельствам Льва Толстого. Ещё бы! – ведь это, по их мнению, «свидетельство человека, которого трудно упрекнуть в неадекватности, нерусскости или нечестности» (Павел Краснов). Хм–м... Насчёт «нерусскости» – не поспоришь: чисто-породный русак. С честностью и (особенно) адекватностью дело обстоит несколько сложнее.

Из всего огромного творческого наследия Льва Толстого, насчитывающего более девяноста томов, несоветчики – все, дружно, – цитируют одни и те же отрывки (правда, расставляя их иногда в разной последовательности...). По этой причине физически невозможно привести все образцы бесовестной эксплуатации имени великого писателя! А любая попытка составить более–менее представительную «антологию» встретит массу затруднений (главное из которых: кого же предпочесть?), ибо на память сразу приходит уйма имён.

Выйти из затруднения помогает Максим Калашников (в девичестве – Владимир Кучеренко). Как–никак, Максим Калашников – один из самых яростных хулителей Российской Империи и апологетов «Советского Проекта»; человек, не первый десяток лет известный всей читающей и думающей России; активный интернет–боец и весьма плодовитый писатель.

Сравнительно недавно, в ноябре 2017 года, к 100-летию Октябрьской революции, Калашников выложил на своей странице в «Живом журнале» материал под оригинальным названием «Лев Толстой: Во всей деревне не нашлось и рубля денег...».

Содержание, собственно говоря, оправдывает это специфическое название – ибо вклад самого Калашникова минимален; он всего лишь предварил цитату из Толстого своим кратеньким предисловием. Вот таким: «В конце XIX века Лев Толстой посетил несколько десятков деревень разных уездов. Он подробно описал свои впечатления от увиденного. Благодаря записям современников мы можем взглянуть на русскую деревню конца 19 века без прикрас».

Далее идёт толстовский текст (без каких-либо видимых правок; разве что с многоточиями на месте купюр – хотя и не везде...). Это призвано произвести впечатление добросовестности цитатора: мол, смотрите, это говорю не я; сам-то я почтительно и «нейтрально» молчу, – всё это говорит Лев Толстой, ум, честь и совесть земли Русской!..

Поскольку именно этот, размещённый Калашниковым, текст и используется всеми неосоветчиками (с небольшими вариантами), стоит привести его полностью – ничего в нём не меняя и ничего из него не выкидывая; в том самом виде, в каком его посчитал нужным выложить Максим Калашников к 100-летию юбилею Октябрьской революции. Вот он:

«Во всех этих деревнях хотя и нет подмеси к хлебу, как

это было в 1891-м году, но хлеба, хотя и чистого, дают не вволю. Приварка – пшена, капусты, картофеля, даже у большинства, нет никакого. Пища состоит из травяных щей, забелённых, если есть корова, и незабелённых, если её нет, – и только хлеба. Во всех этих деревнях у большинства продано и заложено всё, что можно продать и заложить.

Из Гущина я поехал в деревню Гневышево, из которой дня два тому назад приходили крестьяне, прося о помощи. Деревня эта состоит, так же как и Губаревка, из 10 дворов. На десять дворов здесь четыре лошади и четыре коровы; овец почти нет; все дома так стары и плохи, что едва стоят. Все бедны, и все умоляют помочь им. «Хоть бы мало–мальски ребята отдышали», – говорят бабы. «А то просят папки (хлеба), а дать нечего, так и заснёт не ужинаючи»...

Я попросил разменять мне три рубля. Во всей деревне не нашлось и рубля денег... Точно так же у богатых, составляющих везде около 20%, много овса и других ресурсов, но кроме того в этой деревне живут безземельные солдатские дети. Целая слободка этих жителей не имеет земли и всегда бедствует, теперь же находится при дорогом хлебе и при скупой подаче милостыни в страшной, ужасающей нищете...

Из избушки, около которой мы остановились, вышла оборванная грязная женщина и подошла к кучке чего–то, лежащего на выгоне и покрытого разорванным и просетившимся везде кафтаном. Это один из её 5-х детей. Трёхлетняя девочка больна в сильнейшем жару чем–то в роде инфлюэнцы. Не

то что об лечении нет речи, но нет другой пищи, кроме корок хлеба, которые мать принесла вчера, бросив детей и сбегав с сумкой за побором... Муж этой женщины ушёл с весны и не воротился. Таковы приблизительно многие из этих семей...

Нам, взрослым, если мы не сумасшедшие, можно, казалось бы, понять, откуда голод народа. Прежде всего он – и это знает всякий мужик – он

1) от малоземелья, оттого, что половина земли у помещиков и купцов, которые торгуют и землями и хлебом.

2) от фабрик и заводов с теми законами, при которых ограждается капиталист, но не ограждается рабочий.

3) от водки, которая составляет главный доход государства и к которой приучили народ веками.

4) от солдатчины, отбирающей от него лучших людей в лучшую пору и развращающей их.

5) от чиновников, угнетающих народ.

6) от податей.

7) от невежества, в котором его сознательно поддерживают правительственные и церковные школы.

Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... На лучших землях не родилось почти ничего, только воротились семена. Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зелёная. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она не съедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет.

От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют». Вот такой натюрморт.

§ 2.2. А теперь – что нужно знать об этом тексте.

Во-первых, текст этот – сложносоставной, а не «цельно-тянутый»! Чтобы составить такую неприглядную мозаику, несоветчикам потребовалось несколько источников: статья Льва Толстого 1891 года «О голоде», черновые наброски Льва Толстого к этой статье (ставшие достоянием широкой публики значительно позже – когда они вошли в Полное собрание сочинений) и статья Льва Толстого 1898 года «Голод или не голод?».

В своё время публикация обеих этих статей на территории Российской Империи – по вполне понятным причинам – встретила затруднения. Поэтому существует несколько их вариантов (и даже под разными названиями). Ранние публикации – более сдержанные («приглажены» или урезаны самим автором или редакторами); более поздние (впоследствии вошедшие в Полное собрание сочинений Льва Толстого) считаются оригинальными. Хотя, строго говоря, вопрос о том, какой текст считать оригинальным, не так прост – ибо «оригинальные» рукописи содержат множество позднейших авторских правок.

Но все эти нюансы интересны скорее для литературоведа. Современный же политический публицист, пишущий о предреволюционной России и желающий, в подтвержде-

ние своего мнения, сослаться на авторитет Толстого, имеет полное право воспользоваться как первоначальными, так и позднейшими вариантами этих статей (и даже черновыми набросками). Ведь все они отражают мнение Толстого! Единственное принципиальное требование тут – уверенность в авторстве (а как раз по этому пункту никто никогда никаких сомнений не высказывал). Так что Бог с ней! – с «мозаичностью» приведённого текста Льва Толстого.

Хотя метод... скажем так... своеобразный. И что самое характерное – скрытый от читателя.

Во–вторых, мозаичность мозаичностью, но уж намеренные–то плутни с авторским текстом – когда хитрый цитатор делает пропуски или «обрезает» авторскую мысль не по причине наличествующей в ней «воды» (или слишком большого её объёма), а с конкретной целью: скрыть от читателя некие обстоятельства, «подкорректировать» смысл написанного, – это уже совсем некрасиво! А с Львом Толстым в данном случае поступили не по–джентльменски.

Например, непосредственно после слов крестьянок деревни Гневышево о детях, которые просят хлеба, но матерям нечего им дать, следуют слова самого Толстого «я знаю, что тут есть доля преувеличения» (статья «Голод или не голод?», 1898 год). Но в цитате на месте этих толстовских слов – многоточие.

Или вот о жителях Богородицкого уезда, которые шалеют от кваса, сделанного на муке с лебедой. Забавно, что, судя

по словам самого Толстого, в Богородицком уезде шалели не только от кваса: «Волостной писарь жаловался, что пьянство в усенье (престол) было такое, как никогда» (статья «О голоде», 1891 год). Но цитата начата со следующего предложения.

А вот едва ли не самая мрачная сцена (и тоже показательная в плане жульничества) – с крестьянкой, у которой больная дочка. Цитата заканчивается фразой: «Таковы приблизительно многие из этих семей». И – многоточие. А ведь у Толстого мысль на этой фразе не заканчивалась, а продолжалась дальше: «Но и у наделённых землёй крестьян, принадлежащих к разряду опустившихся, не лучше» (черновые наброски к статье «О голоде», 1891 год).

Обрыв цитаты – это ещё полдела. Главный вопрос в другом: а для чего вообще в данном случае обратились к наброскам?

Было бы понятно, если б в итоговый текст этот кусок не вошёл. Но в статье данный эпизод расписан Толстым весьма подробно: «Муж этой женщины ушёл куда-то и пропал. Она кормится и кормит своих больных детей побираясь. Но побираться ей затруднительно, потому что вблизи подают мало. Надо ходить вдаль, за 20–30 вёрст, и надо бросать детей. Так она и делает. Наберёт кусочков, оставит дома и, как станут выходить, пойдёт опять. Теперь она была дома, – вчера только пришла, и кусочков у неё хватит ещё до завтра. В таком положении она была и прошлого и третьего года, и ещё

хуже третьего года, потому что в третьем годе она сторела и девочка старшая была меньше, так что не с кем было оставлять детей. Разница была только в том, что немного больше подавали и подавали хлеб без лебеды. И в таком положении не она одна. В таком положении не только нынешний год, но и всегда все семьи слабых, пьющих людей, все семьи сидящих по острогам, часто семьи солдат» (статья «О голоде», 1891 год).

Как видим, это – семья многодетной, но безмужней нищей; к тому же – погорелой нищей.

От этого, разумеется, картина не делается менее печальной; но всё–таки надо иметь в виду, что это – «маргиналы». Понятно, что остаться без кормильца для многодетной семьи – катастрофа! Это и сейчас–то, при современном уровне благосостояния, при нынешней системе соцзащиты и медицинского обслуживания, – было бы тяжким испытанием... Однако считать подобный пример доказательством того, что крестьяне в дореволюционной России постоянно голодали, – вряд ли обоснованно.

И недаром сам Толстой считает нужным сделать обобщение (кратко это было им сделано уже в черновых набросках) – что, мол, таково положение семей у людей слабых, пьющих и преступных. Но неосоветчикам, естественно, нужен другой «угол освещения»!

Самое же главное, что надо иметь в виду при чтении этой беспорядочной «нарезки» из текстов Толстого, – то, что

здесь запечатлена отнюдь не «повседневность», а моменты крупных народных бедствий (последствия неурожая 1891–го и 1897–го годов). Поэтому подчёркнуто «прозаические» вступительные слова Калашникова о том, что–де «в конце XIX века Лев Толстой посетил несколько десятков деревень разных уездов», благодаря чему «мы можем взглянуть на русскую деревню конца 19 века без прикрас», являются злонамеренной ложью.

Конечно, нельзя утверждать, что весь этот шедевр обличительной неосоветской публицистики – плод интеллектуальных усилий самого Максима Калашникова; проявление его собственной изобретательности. Он вполне мог, не вникая и не задумываясь, передрать этот текст в готовом виде у кого–то из своих собратьев по разуму.

Тут интереснее другое. Автору–компилятору (кто бы он ни был) можно было бы обойтись и без подтасовок. Учитывая известные убеждения и обличительный пафос Толстого–публициста, можно было процитировать его и более добросовестно. И впечатление (особенно – у неподготовленного и невнимательного читателя) было бы не на много слабее...

Так что это, видимо, – уже привычка. Без вранья не могут ни на шаг!

§ 2.3. Однако же тот абзац, в котором Толстой тезисно, в семи пунктах, объясняет, «откуда голод», был приведён компиляторами без каких–либо купюр и искажений. Этот обви-

нительный акт обществу и государству (по-другому его не назовёшь) содержится в черновых набросках Льва Толстого к статье «О голоде» 1891 года.

К нашему цитатору в данном случае нельзя предъявить никаких претензий: никаких иных вариантов просто не существует!

Зато следует предъявить претензии самому Льву Толстому. Есть все основания для обвинения Толстого–публициста в пристрастности и необъективности, в стремлении при случае максимально драматизировать ситуацию. Конечно, это можно было бы и «ввести в выигрышный контекст», уподобив патриотической пропаганде в разгар войны (тоже – страшного народного бедствия), по принципу: всё, что помогает государству воевать, мобилизует нацию перед лицом врага, «мотивирует» армию на победу, – то и хорошо.

Для такого общепризнанного авторитета, «властителя дум» и «учителя жизни», каким был для всей мыслящей России Лев Толстой, было вполне естественно стремление «мобилизовать» своим пером русское общество на помощь пострадавшему сословию – крестьянству. А если для этого требуется где-то «сгустить краски» – то и пускай!..

К сожалению, Толстой–публицист не был тем, чем был Илья Эренбург во время Великой Отечественной войны. И вся страстная толстовская публицистика (прямое следствие его парадоксального мировоззрения) несла России только зло. Прежде всего – российскому крестьянству, о чьём благе

Толстой вроде бы радел и о чьей участи так скорбел...

Что должен делать человек, пользующийся авторитетом Толстого и желающий помочь российским крестьянам – спасти их от периодически угрожающих им неурожаев и, как следствие, голода? Он должен громко указать боготворящей его интеллигенции и учащейся молодёжи «Наши проблемы» и «Наши задачи» (можно было бы именно в такой форме: кратко, тезисно, пронумеровав каждый пункт...). Благо, проблемы эти были очевидны: экономическая отсталость России, пугающее отставание от передовых (и потому – более сытых!) стран Запада, вопиющее положение с технической оснащённостью крестьянского труда (прежде всего – из-за слабой промышленности), низкая аграрная культура крестьянских хозяйств (и вообще – порочная организация хозяйствования на селе), катастрофическая нехватка медицинского персонала и т.д.

Отсюда и стоящие перед страной задачи: форсированное развитие промышленного производства, создание более густой железнодорожной сети, строительство элеваторов, повышение агрокультуры, организация народных школ и сельскохозяйственных училищ. Это – помимо «общинного вопроса»!.. И разумеется, не надо интеллигентному и образованному человеку учиться пахать или тачать сапоги, подобно тому как это делал Лев Толстой, – пахать и без того было кому... Хочешь помочь народу – иди в инженеры, врачи, агрономы, учителя. И помогая государству – поможешь народу!

Но «поздний» Лев Толстой был не столько моралист (как думают многие), сколько анархист. Потому он и перечисляет – искренне, со всем свойственным ему жаром, – «откуда голод народа»:

- 1) от малоземелья, оттого, что половина земли у помещиков и купцов, которые торгуют и землями и хлебом.
- 2) от фабрик и заводов с теми законами, при которых ограждается капиталист, но не ограждается рабочий.
- 3) от водки, которая составляет главный доход государства и к которой приучили народ веками.
- 4) от солдатчины, отбирающей от него лучших людей в лучшую пору и развращающей их.
- 5) от чиновников, угнетающих народ.
- 6) от податей.
- 7) от невежества, в котором его сознательно поддерживают правительственные и церковные школы.

В какую же пучину безумия надо было погрузиться на старость лет этой «глыбе», этому «матёрому человечеству», чтобы написать такую глупость. Итак, долой свободный оборот земли! Долой товарное производство хлеба! Долой фабрики и заводы! Даёшь «сухой закон»! Армию распустить! Долой административный аппарат! Налоги отменить! Церковные и правительственные школы... видимо, сжечь? Раз уж они «сознательно поддерживают народное невежество»?..

§ 2.4. Только не надо лукавых разъяснений в духе того,

что Толстой причинами народного голода называл не фабрики и заводы «вообще», а именно те, что были в России («с теми законами, при которых ограждается капиталист, но не ограждается рабочий»); и не любых чиновников, а именно тех, что были в России («угнетающих народ»).

Какого-то «идеального» промышленного производства (с идеальным регулированием трудовых отношений) быть не может; тем более – все эти блага и социальные гарантии никто не подаст на блюдечке в отсталой полуаграрной стране. Безусловным благом для народа являлись и те фабрики и заводы, что были! – по сравнению с полным их отсутствием... И жаль, что их было мало. И надо было всеми силами стремиться к скорейшему увеличению их числа.

Ну, а уж для того, чтобы клясть пресловутых «чиновников» императорской России (в большинстве своём – труженников и подвижников, которые были весьма немногочисленны, но тащили на себе бремя управления огромной Империей) – для этого надо было вовсе совесть потерять. Об отмене податей и воинской повинности смешно и говорить... Неужто России на пороге жестокого 20-го века надо было добровольно превратиться в этакую летописную дорюриковскую Русь: придите, кто хочет, и владейте нами?

А чтобы воспринимать созданные государством и Церковью народные школы как рассадник невежества – кем надо было быть для этого?! В чём вообще могло заключаться это «сознательное поддержание невежества»? – разве что в пре-

подавании ученикам Закона Божьего (от которого еретика Толстого, разумеется, корчило, как беса перед заутреней...).

Вот в «опростившихся» толстовских общинах жизнь была бы прекрасна! И урожаи были бы стабильно высокими, и солнце бы светило ярко, и «дождик» вовремя шёл, и запас хлеба в общинном амбаре не переводился бы, и народная медицина (подорожником и корой дуба) была бы на высоте. И жили бы все до ста лет – в мире, тишине и сытости, не воюя и не противясь злу насилием...

Сдержанную, но меткую оценку учению Толстого дал ещё в 1894 году его собрат по перу Антон Чехов (в письме к издателю Суворину): «Толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6 – 7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода. Теперь же во мне что-то протестует; расчётливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человечеству больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса. Война зло и суд зло, но из этого не следует, что я должен ходить в лаптях и спать на печи вместе с работником и его женой и проч».

Можно долго гадать и полемизировать по поводу внутреннего мира и душевного состояния великого русского романиста в разные периоды его жизни. Нельзя исключать, что причина многочисленных толстовских «странностей» (с возрастом проявлявшихся у него всё резче!) коренилась

в постепенно прогрессирующем психическом расстройстве, вызванном кризисом мировоззрения (утрата веры), крайне нездоровой атмосферой, которую создавали постоянно окружавшие Толстого «ученики» и «последователи», а также невыносимой внутрисемейной обстановкой (мучительный разлад с женой). К слову сказать, жена Толстого в последние годы жизни была откровенно ненормальной: «Дегенеративная двойная конституция: паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой», – это диагноз психиатра Россолимо.

Как бы там ни было, безусловным является одно: Толстой–публицист, Толстой–политик – никакой не мудрый «учитель жизни», а парадоксальная гремучая смесь из Сократа, Савонаролы и бродячего дервиша.

По сути дела, Лев Толстой, с его отрицанием и Церкви, и государства, и научно–технического прогресса, и вообще любой традиционной организации человеческого общества; с его идеями «опрощения», «непротивления» и «ненасильственного анархизма», – был в каком–то смысле ещё более радикальным «ниспровергателем», чем Ленин. А уж ссылаться на его обличительные писания (неважно куда посылаемые – в книгоиздательства, императору Александру, императору Николаю, премьер–министру Столыпину или в английскую «Дейли Телеграф») как на беспристрастное свидетельство («свидетельство человека, которого трудно упрекнуть в неадекватности») – это и есть неадекватность!

И неслучайно высокоумные мнения Толстого о причинах народного голода оказываются сегодня востребованными на таких экстремистских пабликах как «Нечаевщина».

Глава 3

§ 3.1. По частоте цитирования в работах неосоветчиков с Толстым успешно конкурирует Александр Энгельгардт. Всякий уважающий себя поклонник СССР хоть раз да приво-
дил выдержки из его знаменитых очерков «Из деревни. 12 писем».

Конечно, агрономическим подробностям в сегодняшней антиимперской публицистике не место! – их там почти и нет... Неосоветчики неустанно тиражируют одни и те же отрывки из «Писем» (видимо, как всегда, прилежно передирая их друг у друга). Отметим главные хиты, в режиме «случайного воспроизведения»:

«Наш мужик хлебает пустые серые щи, считает роскошью гречневую кашу с конопляным маслом, об яблочных пирогах и понятия не имеет, да ещё смеяться будет, что есть такие страны, где неженки–мужики яблочные пироги едят, да и батраков тем же кормят. У нашего мужика–земледельца не хватает пшеничного хлеба на соску ребёнку, пожуёт баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку – соси».

И вот ещё: «В человеке из интеллигентного класса такое сомнение понятно, потому что просто не верится, как это так люди живут, не евши. А между тем это действительно так. Не то чтобы совсем не евши были, а недоедают, живут впроголодь, питаются всякой дрянью».

И ещё: «Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не станут есть всякую дрянь. Лучшую, чистую рожь мы пережигаем на вино, а самую что ни на есть плохую рожь, с пухом, костерём, сивцом и всяким отбоем, получаемым при очистке ржи для винокурен – вот это ест уж мужик. Но мало того, что мужик ест самый худший хлеб, он ещё недоедает. Если довольно хлеба в деревнях – едят по три раза; стало в хлебе умаление, хлеба коротки – едят по два раза, налегают больше на яровину, картофель, конопляную жмаку в хлеб прибавляют. Конечно, желудок набит, но от плохой пищи народ худеет, болеет, ребята растут туже, совершенно подобно тому, как бывает с дурно-содержимым скотом».

И вот: «Имеют ли дети русского земледельца такую пищу, какая им нужна? Нет, нет и нет. Дети питаются хуже, чем телята у хозяина, имеющего хороший скот. Смертность детей куда больше, чем смертность телят, и если бы у хозяина, имеющего хороший скот, смертность телят была так же велика, как смертность детей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно. А мы хотим конкурировать с американцами, когда нашим детям нет белого хлеба даже в соску? Если бы матери питались лучше, если бы наша пшеница, которую ест немец, оставалась дома, то и дети росли бы лучше и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаём кровь нашу, то есть мужицких детей».

Неосоветчики понимают, что использовать Энгельгардта надо с умом!

Поэтому его обычно преподносят как выдающегося учёного и прогрессивного агрария, который—де успешным ведением сельского хозяйства подтвердил верность своих теоретических взглядов и — на основе собственного практического опыта — пришёл к мысли о необходимости обобществления земли и создания колхозов. Именно такое освещение фигуры Энгельгардта — во—первых, как признанного учёного мэтра, химика и агрария (что сразу внушает невольное почтение); во—вторых, как крупного земельного собственника, «крепкого хозяйственника» (что предполагает его объективность и «неангажированность» в данном вопросе) — призвано внушить доверие к его свидетельствам и взглядам.

В самом деле! — если так прямо сказать, что эти душевраздирающие описания нищеты и забитости русской деревни (с выражением твёрдой уверенности в том, что единоличным хозяйствам из нужды выбиться не дано) высказал ещё один ссыльный социалист—народник, то должного впечатления на публику это не произведёт. Ну, мало ли что ввали в своих «агитках» дореволюционные леваки? — они были свято убеждены в том, что любая их ложь, даже самая дикая и бессовестная, есть «ложь во благо» (о преувеличениях, «сгущении красок» и расстановке акцентов нечего и говорить). Вот и ещё один. Тем более фамилия у него какая—то подозрительная...

А так – другое дело: прогрессивный учёный, «поверивший теорию практикой».

§ 3.2. Поэтому надо сказать несколько слов об Александре Энгельгардте.

Во–первых, собственно научные лавры Энгельгардта были достаточно скромны. Никаких прорывных открытий в химии у него нет. На научном поприще он был «один из многих». Чем он был действительно приметен, так это своей левизной и потаканием революционно настроенному студенчеству (что естественно для идейного «землевольца»). Успешная профессорская карьера Энгельгардта оборвалась резко, хотя и ожидаемо, – высылкой. Так что за занятие «практической агрономией» (в имении Батищево Смоленской губернии) Энгельгардт взялся вынужденно: надо было как–то существовать.

Применив свои научные знания и прогрессивные методы ведения хозяйства – а также недюжинную работоспособность! – на практике, он добился того, что разорённое имение стало процветающим, передовым сельскохозяйственным производством, на которое равнялись многие российские аграрии. На протяжении нескольких лет в Батищеве существовала своеобразная «сельскохозяйственная академия» по обучению интеллигентов сельскому хозяйству (правда, повторить успех наставника никому из них не удалось). Со временем Энгельгардт разочаровался в этом проекте, пере-

стал принимать учеников, а сам сосредоточился на сугубо технических вопросах, прежде всего – искусственных удобрениях. Умер в неизвестности, полузабытым.

Во–вторых, типичное капиталистическое (потому и процветающее) хозяйство в Батищеве не имело никакого отношения к теоретическим изысканиям Энгельгардта в духе наивного социализма. Более того, оно было им «прямо противоположно»! Сам Энгельгардт считал, что он ведёт «кабальное хозяйство». Энгельгардт неоднократно, устно и письменно, называл себя «эксплуататором»; говорил, что его «всегда угнетала экономически–социальная сторона дела»; и что вообще «эксплуататорское хозяйство, которое я веду в Батищеве, давно уже перестало меня интересовать».

Что ж, подобный пример – не в новину. Дела у хлопкопрядильной фабрики «Эрмен & Энгельс» тоже шли хорошо, что не помешало её владельцу стать одним из основоположников научного коммунизма. Также страдал и мучился, бедняга–эксплуататор!.. И даже пытался загладить свою вину перед работницами, вербуя себе наложниц из их числа (сёстры Бёрнс).

И тоже ведь – многое почерпнул из общения с ними! – в плане «расширения интеллектуального кругозора»... Без этого Энгельс вряд ли написал бы «Положение рабочего класса в Англии».

Однако же сей забавный факт: Фридрих Энгельс – хозяин передового капиталистического производства; коммуни-

сты не преподносили как «безусловное доказательство» истинности всего, что им сказано и написано. Мол, руководящий работник, сын совладельца, а впоследствии – сам совладелец фабрики (уж он–то всё знал о «прибавочной стоимости»!), именно на примере её валов и шестерён изучил изнутри природу капитализма и понял его историческую обречённость, неизбежность установления диктатуры пролетариата и обобществления средств производства. Напротив, этого факта в Советском Союзе стыдились и старались его не афишировать...

§ 3.3. Идеиные же построения Энгельгардта были довольно своеобразны. Он словно предстаёт в двух разных ипостасях. В то время как Энгельгардт–хозяин – распорядитель, грамотен и предприимчив, Энгельгардт–футуролог – несколько наивен; порой... до степени инфантильности, чтобы не сказать резко.

Социалисты–народники пореформенной России грезили о прекрасном и мудром народе (под «народом» понимая исключительно простонародье); молились на «мужика» – святого хлебопашца, сеятеля и хранителя (каковой представлялся им вместилищем всех мыслимых и немыслимых добродетелей; давно утраченных в высших, эксплуататорских классах...). Энгельгардт никаких иллюзий касемо интеллектуальных и моральных качеств крестьянина не питал. Какие и были – в деревне быстро развеялись!

Социалисты–народники пореформенной России (в подавляющем большинстве) почитали за величайшую ценность крестьянскую общину; предполагая в крестьянине «инстинктивный» дух коллективизма, а в общине видя прообраз и фундамент будущего социалистического общества. Энгельгардт – хотя и не единственный, но один из немногих, – считал существующую крестьянскую общину злом, пережитком прошлого, а никак не залогом будущего прогресса.

Что же касается «общинного духа», якобы органически присущего русскому крестьянину, то Энгельгардт оставил массу потрясающих свидетельств, убедительно доказывающих, что русский крестьянин, по натуре своей, – индивидуалист до мозга костей, враг всякого коллективизма, при первом же удобном случае стремится «обособиться» и работать на себя. При этом Энгельгардт отмечал, что дух индивидуализма в русском крестьянине прогрессирует на глазах: «многие работы, которые ещё несколько лет тому назад исполнялись сообща, огульно целою деревнею, теперь делаются отдельно каждым двором».

На первый взгляд, из всего этого напрашивается очевидный вывод – коль скоро надежды на крестьянскую общину глупы; а сами крестьяне – далеко не те ангелы без крыльев, что могли бы жить при порядках, созданных по образцу раннехристианских общин... Значит, надо использовать и всемерно поощрять свойственный крестьянину дух индивиду-

лизм, любовь к самостоятельности и желание разбогатеть – двигаться по тому пути, по которому давно и успешно идёт весь Западный мир.

Но нет! Капиталистический уклад России не подходит (он, строго говоря, – вообще никому не подходит...). Оказывается, единственно верный путь: передача всего земельного фонда в коллективную собственность крестьян, обобществление средств производства (от скота до сельскохозяйственных орудий) и, соответственно, коллективный труд на земле. Словом – тотальная коллективизация.

Да вот беда: крестьянам все эти идеи утопического социализма глубоко чужды! И Энгельгардт постоянно негодует на психологию русского крестьянина: «У крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации».

В итоге идеи Энгельгардта повисают в воздухе: крестьянин – не гош, община – не годна, дух коллективизма на селе иссякает год от года (а крестьянам–единоличникам из нищеты не выбиться! – у нас не Америка и не Германия...). Грядущий социализм Энгельгардта выглядят «социализмом вопреки всему».

Кто же даст необходимый толчок к тому, чтобы русская деревня развивалась по пути обобществления собственности и труда? Кто заложит фундамент для нового сельскохозяйственного уклада? Кто подаст пример косному (и вообще – «неправильному») крестьянству?.. Это могут сделать «интеллигентные хозяева», которые будут приезжать в деревню

и оставаться там – чтобы вести своё хозяйство коллективно и производительно, по последнему слову науки и техники; наглядно показывая преимущество новых принципов организации труда. Эти же люди постепенно создадут и всю необходимую сельскую инфраструктуру – от медицины и полиции до университетов...

О том, насколько были осуществимы подобные замыслы (тем более – в масштабах всей России), можно судить хотя бы по неудаче выпускников энгельгардтовской «сельскохозяйственной академии». Словом, Энгельгардт – это грамотный аграрий и «крепкий хозяйственник» (в терминах сегодняшнего дня), но в то же время – прожектёр и социальный утопист; ещё один яркий представитель когорты прекраснодушных социалистов–утопистов 19-го века.

§ 3.4. Важно то, что Энгельгардт не только футуролог, но и макро-экономист – весьма специфический. Так, одной из главных причин крестьянской нищеты он (и надо признать, не только он один!) видел в хлебном экспорте.

К теме «голодного экспорта» Энгельгардт в своих очерках возвращается постоянно и высказывается очень категорично. «А мы хотим конкурировать с американцами, когда нашим детям нет белого хлеба даже в соску?» «Хлеб нужно продавать немцу для того, чтобы платить проценты по долгам». Одним словом: «У мужика деньги шли на хозяйство. А пан деньги за море переведёт, потому что пьёт вино замор-

ское, любит бабу заморскую, носит шелки заморские и магарыч за долги платит за море».

Разумеется, Энгельгардт, как предприимчивый аграрий, не был сторонником натурального хозяйства. Напротив, он ратовал за расширение посевов сельскохозяйственных культур, пользующихся рыночным спросом; за товарное производство и расширение внутреннего рынка. Но при этом был уверен, что даже двукратное увеличение производства хлеба привело бы лишь к его минимальной достаточности для самой России. Какой уж тут, к чёрту, экспорт!

Надо сказать, Энгельгардту был присущ крайне пессимистичный взгляд на действительность. Ибо если даже удвоенные сборы способны лишь минимально обеспечить потребности страны, то реально имеющиеся – должны были обернуться тотальным голодом. Однако такого голода Энгельгардт на своём веку не видел. И даже, наверно, не предвидел, что такой, людоедский, голод может когда-нибудь случиться в России (а именно – когда деревня наконец-то познакомится с социалистическими принципами организации труда!).

Кроме того, Энгельгардту было присуще крайне негативное отношение к российской внешней торговле. Экспорт зерна он считал выгодным лишь для своекорыстного помещичьего сословия, но губительным для крестьянства и разорительным для государства (которое, по его мнению, не получало от возрастающих объёмов хлеботорговли никакой реальной выгоды – а напротив, всё больше разорялось, запу-

тываясь во внешних долгах).

Что ж, негативистский подход к вопросам внешнеторгового баланса, тарифной политики, валютного курса и государственного займа был свойствен многим «оппозиционно настроенным умам». И не только из народнической среды! – достаточно вспомнить армейского пехотного генерала (и историка–любителя) Нечволодова...

Позиция Энгельгардта в данном вопросе была совершенно анти–государственнической. По счастью, министры Российской Империи были большими прагматиками, чем этот провинциальный аграрий. Но характерен пафос Энгельгардта: «Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаём кровь нашу, то есть мужицких детей». Можно подумать, какой–то правительственный злодей, облечённый властью, отнимал хлеб у крестьянских детей (или их родителей) и отвозил его за море!..

А ведь так и будет! – когда российские социалисты, идейные последователи Энгельгардта, станут отнимать у крестьян выращенный ими хлеб (в целях его справедливого распределения), а самих крестьян мобилизовать на общественные работы (тот самый «производительный коллективный труд»). И вот тогда в России действительно разразится невиданный, страшный голод – с миллионами жертв, с поеданием детей родителями и похищением трупов из могил...

А потом весь сельскохозяйственный уклад российской деревни перестроят (почти по Энгельгардту) приехавшие нако-

нец—то из города передовые, прогрессивные люди — «двадцатипятидесятники». Что ж, на «городских» и была вся надежда Энгельгардта! — сами—то крестьяне к социалистическим идеям оказались глухи... И вот тогда вся земля окажется у крестьян в коллективной собственности (равно как и скот и вообще все средства производства), и появится возможность для коллективного производительного труда на ней. И вот тогда в России опять разразится страшный голод — с миллионами жертв, с поеданием детей родителями и похищением трупов из могил... А хлеб («кровь нашу, то есть мужицких детей»), отнятый у крестьян, российские социалисты будут продавать немцам!

История любит посмеяться над утопистами — превращая их вымышленные утопии в реальные антиутопии.

§ 3.5. Впрочем, Энгельгардт порой удивляет не только своими макро—экономическими обобщениями, но и некоторыми заявлениями, странными в устах учёного мужа, — вроде того что «если бы наша пшеница, которую ест немец, оставалась дома, то и дети росли бы лучше и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты».

Казалось бы — профессор—естественник, химик—органик; крестьян брался лечить... Правда, лечение было специфическим: «Приходили ко мне: тому дам стакан пуншу, тому касторового масла, тому истёртого в порошок и смешанного с

мелким сахаром чаю – помогало». Очень напоминает методы, описанные Куприным в «Олесе» и Чеховым в «Сельских эскулапах»!

Дело в том, что ни тиф (ни сыпной, ни возвратный, ни брюшной, ни паратиф...), ни скарлатина, ни дифтерия не являются «болезнями голода» – то есть теми, что непосредственно вызываются недоеданием. В ту пору их даже нельзя было отнести к «болезням нищеты» – то есть свойственным исключительно представителям социально незащищённых слоёв. Это – инфекционные заболевания.

Перечисленные Энгельгардтом «бичи человечества» убивали тогда отнюдь не только крестьян и не в одной только России! В ту эпоху болезни эти были распространены по всему миру: век антибиотиков и вакцинации ещё не наступил. Да, известно, что массовые социальные потрясения часто сопровождаются тифозными эпидемиями (прежде всего – эпидемиями «сыпняка»). Вспышки сыпного тифа характерны для общественных катастроф, связанных с перемещениями большого количества людей в условиях антисанитарии: войн, депортаций, голодовок. Косил «сыпняк» узников тюрем и лагерей. Но «Письма из деревни» ни к военной, ни к лагерной мемуаристике не относятся...

Словом, возлагать ответственность за смерть крестьянских детей от тифа, скарлатины или дифтерита на хлебную торговлю с Германией можно было бы только в одном случае – если предполагать, что в результате тех торговых кон-

тактов инфекция переносится из империи Гогенцоллернов в империю Романовых (подобно тому как чума в старину путешествовала с торговыми караванами...).

Шутки шутками, но имперской статистикой зафиксирован тот примечательный факт, что детская смертность у мусульман Европейской России была ниже, чем у православных, – хотя жили тогдашние татары и башкиры беднее соседствующих с ними русских! То есть здесь сказывались, прежде всего, свойственные разным народам бытовые привычки и обычаи (более или менее здоровые).

Конечно, заболеваемость инфекционными болезнями – это ещё не вся проблема; есть и такой показатель как уровень смертности от них. В дореволюционной России этот показатель был очень высоким. Понятно, что здесь важен не только уровень развития медицины в стране (прежде всего – степень её доступности), но и общий уровень жизни. Когда больной сыт, ухожен и находится в тепле; когда сыты и здоровы его близкие, которые призваны обеспечить ему уход, – тогда и болезнь протекает легче и надежд на выздоровление больше.

Однако тогдашние Ирландия и Румыния (откровенно бедные, но достаточно благополучные в плане инфекционных болезней) не позволяют сводить всё к «уровню среднедушевого дохода». Видимо, здесь сказывались многие факторы – начиная с культурных и бытовых привычек и заканчивая климатическими и генетическими особенностями...

Но у Энгельгардта и тут виноватой оказывается «наша пшеница, которую ест немец»! Это уже напоминает идею фикс.

§ 3.6. Одним словом, все выводы, обобщения и социальные прожекты Энгельгардта... ясны и понятны. Но как быть с теми энгельгардтовскими зарисовками, которые приводят неосоветчики? Неужто и они «лживые»?..

Это зависит от того, что мы имеем в виду. Энгельгардтовские «зарисовки с натуры», надо полагать, правдивые. А вот неосоветчики, приводящие их в качестве иллюстрации «ужасной жизни народа в предреволюционной России» (и соответственно – в качестве оправдания Революции, доказательства её «благости» для простого народа; который–де без неё «так и прозябал бы в нищете», ибо «по–другому проблема не решалась») – лживы насквозь!

Дело в том, что Энгельгардт в своих «Письмах» живописал бедную смоленскую деревню 1870–х – начала 1880–х годов. Этот хронологический отрезок подавляющее большинство историков и экономистов признают «ямой», периодом максимального ухудшения положения крестьянства. То была своего рода «расплата за века крепостничества». Собственно говоря, в очерках Энгельгардта описывается пореформенная Россия Александра Второго. А ведь потом была ещё стремительно развивающаяся Россия Александра Третьего; а потом – стремительно развивающаяся Россия Нико-

лая Второго (а сам Энгельгардт и умереть—то успел — ещё за-долго до кончины Александра Третьего...).

Российская Империя в конце 19-го — начале 20-го века быстро менялась. Соответственно — менялась постепенно и жизнь крестьянства, её основного сословия... Если уж оперировать не статистическими выкладками, а яркими картинами крестьянской жизни и быта (как у Энгельгардта), то на цитаты из его «Писем» всегда можно ответить контраргументами того же уровня.

Вот, например, Энгельгардт рассказывает о жизни пореформенной деревни: «Наш мужик хлебает пустые серые щи, считает роскошью гречневую кашу с конопляным маслом, об яблочных пирогах и понятия не имеет, да ещё смеяться будет, что есть такие страны, где неженки—мужики яблочные пироги едят, да и батраков тем же кормят». Красноречивое свидетельство бедности, кто бы спорил!..

А вот свидетельство такого признанного знатока русской жизни и основоположника реализма в русской литературе как Чехов (только уже 1887 года! — рассказ «Свирель»). Герой рассказа, пожилой пастух, по—стариковски сетует на времена и на молодое поколение: «Ты вот гляди, мне седьмой десяток, а я день—деньской пасу, да ещё ночное стерегу за двугривенный и спать не сплю, и не зябну; сын мой умней меня, а поставь его вместо меня, так он завтра же прибавки запросит или лечиться пойдёт. Так—тось. Я, акроме хлебушка, ничего не потребляю, потому хлеб наш насущный даждь

нам днесь, и отец мой, акроме хлеба, ничего не ел, и дед, и нынешнему мужику и чаю давай, и водки, и булки, и чтобы спать ему от зари до зари, и лечиться, и всякое баловство».

Если подумать – это даже не «контраргумент»; напротив – всё «по Энгельгардту»! В предыдущие десятилетия и впрямь питались крестьяне почти одним хлебом (и считали это нормальным). А теперь – то есть в конце восьмидесятых – у молодых поколений начинают заводиться какие-то сибаритские привычки: и булка им нужна, и водка, и оплата за труд более высокая, и ночной отдых, и медицина. Так что уже к концу жизни Энгельгардта многое в деревне начало меняться... А впоследствии – в ходе модернизации девяностых, девятисотых, девятьсот десятых годов – темпы перемен значительно выросли.

К сожалению, у большинства людей чувство исторической перспективы отсутствует напрочь. И если в пределах своей собственной биографии (что соответствует нескольким десятилетиям общероссийской истории) они ещё способны что-то адекватно сопоставлять – по крайней мере, никому не позволят отнести исторические события, современные их детству, к поре их зрелости, – то дальше всё как в тумане.

И этим нагло пользуются неосоветчики! Ибо назойливое цитирование Энгельгардта при разговоре о России Николая Второго и Революции 1917 года – есть наглость и бесстыдство.

Что бы сказали об антисоветчике, который, «разнося»

советское сельское хозяйство периода горбачёвской Перестройки, в качестве главного аргумента приводил бы – как «честные и неприукрашенные свидетельства», как «заметки непредвзятого очевидца»! – зарисовки советской деревни сорокалетней давности?.. Послевоенная разруха, голод 1946–1947 годов, дистрофия, палочки трудодней, «закон о трёх колосках» и т.п. Что бы сказали о таком демагоге?

А ведь с очерками Энгельгардта дело обстоит именно так. Почти все «Письма» (все, где содержатся описания деревенского быта), с 1–го по 11–е, были изданы в период с 1872–го по 1882 год. В них – повторим – описывается пореформенная деревня времён царствования Александра Второго. От эпохи Мировой войны и Революции все эти сценки отстоят чуть ли не на четыре десятилетия. Конечно, различия в реалиях дореволюционной деревни 1870–х и 1910–х были не столь колоссальны, как между советской деревней 1940–х и 1980–х (ибо не было таких гуманитарных катастроф, как в первые десятилетия Советской власти, и таких высоких темпов НТР, как в последние...) – но и там разница была существенной.

Глава 4

§ 4.1. Последний в тройке лидеров по частоте цитирования – Иван Солоневич. Похоже, неосоветчики считают Солоневича очень ценной добычей – раз уж одной цитате из него предадут едва ли не большее значение, чем Толстому и Энгельгардту вместе взятым!

Оно и понятно: если Толстой – яростный бичеватель «высших классов», непримиримый враг существующего порядка вещей, ниспровергатель и анархист, а Энгельгардт – социалист–утопист, типичный представитель народнической публицистики, то Солоневич – непоколебимый монархист, апологет Николая Второго, контрреволюционер и белогвардеец. Потому неосоветчики свято убеждены, что всякое свидетельство из уст «на минуточку, убеждённого монархиста И. Солоневича» – железный аргумент.

Поэтому Солоневича цитируют все! – начиная с безответственных (порой безымянных) интернет–крикунов и заканчивая маститыми авторами толстых книг...

К несчастью, из огромного массива публицистических работ Солоневича, неосоветчикам полюбился только один пассаж – из программного труда Ивана Лукьяновича «Народная монархия». Тот отрывок они процитировали бессчётное число раз! Правда, цитируют они его своеобразно (но ведь это, кажется, является их отличительным признаком, «зна-

ком касты»?..).

Некоторые – например, Максим Калашников в работе с издевательским названием «О жизни в царской Расее – 1» – начинают цитирование со статистических данных: «Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 года народный доход на душу населения составлял: в САСШ 720 рублей (в золотом довоенном исчислении), в Англии – 500, в Германии – 300, в Италии – 230 и в России – 110. Итак, средний русский, ещё до Первой мировой войны, был почти в семь раз беднее среднего американца и больше чем в два раза беднее среднего итальянца. Даже хлеб – основное наше богатство – был скуден. Если Англия потребляла на душу населения 24 пуда, Германия 27 пудов, а САСШ – целых 62 пуда, то русское потребление хлеба было только 21,6 пуда – включая во всё это и корм скоту. Нужно при этом принять во внимание, что в пищевом рационе России хлеб занимал такое место, как нигде в других странах он не занимал. В богатых странах мира, как САСШ, Англия, Германия и Франция, хлеб вытеснялся мясными и молочными продуктами и рыбой – в свежем и консервированном виде...».

Скажем сразу: данные у Солоневича (как это у него частенько бывало) приведены не совсем точные. Впрочем, о ненадёжности приводимых им цифр заявляют и сами цитаторы. Но для них в данном случае важны не столько ста-

тистические расчёты, сколько следующая за ними сильная фраза. Недаром многие из них – например, Игорь Пыхалов в известнейшей работе «Кормила ли Россия пол-Европы?» (работе давнишней, ещё 2003 года; но которую он с тех пор постоянно включает в свои книги...) – жалеют типографскую краску на подобные мелочи и сразу переходят непосредственно к фразе, ласкающей их слух.

Вот она: «Таким образом, староэмигрантские песенки о России, как о стране, в которой реки из шампанского текли в берегах из паюсной икры, являются кустарно обработанной фальшивкой: да, были и шампанское, и икра, но – меньше чем для одного процента населения страны. Основная масса этого населения жила на нищенском уровне».

На этой фразе цитирование и заканчивается. У всех! Единственное разночтение: после слов «жила на нищенском уровне» у одних авторов стоит точка, а у других многоточие. Это естественно – толстенную «Народную монархию» почти никто из них не читал. Они ж не читатели, они писатели... Кто-то из них первый (и возможно, последний) вычитал эту фразу непосредственно у Солоневича и процитировал в своей работе, а остальные передрали. И вот на каком месте тот, первый, цитату оборвал – на том и остальные обрывают.

Вообще надо сказать, что у неосоветчиков метода написания книг крайне незамысловата! Недавно один из самых рьяных, Александр Курляндчик, честно в этом признался. Во «Введении» к своему свежее испечённому труду «Проклятая»

советская власть и итоги реформ в России» (2018 год) он с подкупающей откровенностью написал следующее: «Поскольку я не гуманитарий, то не смогу написать лучше, чем такие профессиональные писатели, историки, публицисты и экономисты как: Александр Александрович Бушков, Николай Викторович Стариков, Юрий Игнатьевич Мухин, Михаил Иосифович Веллер, Сергей Юрьевич Глазьев, Владимир Александрович Кучеренко (Максим Калашников), Михаил Геннадьевич Делягин, Михаил Леонидович Хазин. Поэтому я часто шёл путём компиляций, используя существующие книги и статьи как вторичные источники фактического материала, интересных идей и предложений, и делая на них ссылки».

Что ж, по крайней мере, честно... Уже из этого списка «профессионалов» и их «интересных идей» всякий может судить о том, *что* получилось у уважаемого автора на выходе.

§ 4.2. Ну да чёрт с ними, с профессионалами! – лучше процитируем до конца мысль Солоневича (после слов «жила на нищенском уровне»): «И, может быть, самое характерное для этого уровня явление заключается в том, что самым нищим был центр страны – любая окраина, кроме Белоруссии, была и богаче, и культурнее. На «великорусском империализме» великороссы выиграли меньше всех остальных народов России».

Н–да, можно предположить, что, помимо лени, была у неосоветчиков ещё одна существенная причина не договаривать. Тема «оскудения Центра», «империи навыворот», «подъёма отсталых окраин за счёт русского народа» – для поклонников Советской власти и СССР суть тема запретная. Ибо в Советском Союзе все эти парадоксы «русского имперского развития» не только сохранились, но и проявились в гипертрофированном виде! Царской России даже не снился такой кошмар, какой будет твориться в национальном вопросе при коммунистах, – когда русский народ официально будет поставлен в положение самого бесправного из всей «дружной семьи советских народов» и доить «старшего брата всех советских наций» будут уже совершенно бессовестно!

Но мы сейчас – не об этом. Мы – о родной для Солоневича Белоруссии. О той единственной из окраин Российской Империи, которая жила беднее, чем даже крестьяне–великороссы Центрально–Чернозёмного района. Смех в том, что догмы коммунистического вероучения не только бедных великорусских, но даже нищих белорусских крестьян к началу Империалистической войны превращали (ретроспективно) в развитых и процветающих богачей – чуть ли не заграбаставших в свои трудовые мозолистые руки экономическое господство!

Вот как писал об этом общепризнанный специалист по истории белорусского крестьянства (ярый националист, но

– поддавшийся на склоне лет советской идеологии!..) доктор исторических наук Довнар–Запольский в 19–й главе своей «Истории Белоруссии» – «Очерк народного хозяйства последнего пятидесятилетия»: «В течение ряда десятилетий трудовой элемент захватывает у нетрудового всё большее и большее количество материальных благ. Это была борьба за жизнь текущих и наступающих поколений, и она угрожала перейти в борьбу за жизнь, в целях уничтожения командующих классов. Но для этого трудовые низы прежде всего должны были укрепиться материально, с помощью труда отбить достаточное количество материальных благ, получить умение и навыки добывать их и расширять своим трудом и умом. И на истории белорусского хозяйства ясно видны результаты этой подготовительной борьбы. Ведь прежде чем разражается революция, прежде чем один класс решается с оружием в руках выхватить у другого власть, он должен укрепиться материально, он должен приблизиться к господствующему положению на поле экономических отношений».

Трудно читать без смеха этот манифест вульгарного социологизма. Но это нам смешно! А в двадцатые годы, в золотую эпоху Покровского, даже борьбу древнеассирийских царей со жреческой верхушкой советские профессора древней истории толковали как борьбу промышленного и финансового капиталов.

Ну да Бог с ними, с ассирийцами! – лучше приведём ещё несколько слов Довнар–Запольского о белорусских крестья-

нах (по утверждению Солоневича, ещё более бедных, нежели великорусские...): «История белорусского хозяйства даёт нам прекрасные иллюстрации к только что сказанному. В течение ряда десятилетий трудовой класс отбил у нетрудового целый ряд благ. Он превзошёл своего противника размерами поземельной площади, размерами посева, размерами сбора хлебов, он, наконец, стал сравниваться с нетрудовым хозяйством по уменью пользоваться улучшенной техникой».

Конечно, чёрт его знает, зачем вообще «нетрудовому» хозяйству понадобилась улучшенная сельскохозяйственная техника... Ну да понятно, что так профессор–левак обзывает помещиков (не сдающих свои земли в аренду, а самостоятельно трудящихся на земле). Но суть–то не в этом. А в том, что дореволюционное крестьянство помещиков, оказывается, и без всяких революций и насильственного передела земли фактически «задавило»!

Так что даже не очень понятно становится: зачем тогда народу нужна была революция и насильственный передел земли?! Неужто рассуждали на манер передовой английской знати? – мол, экономически мы уже господствуем; осталось только подкорректировать архаичные политические институты; так пусть уж и политическая власть будет у парламента; хотим теперь и дипломатией и законотворчеством заправлять!

На этот риторический (и несколько иронический) вопрос пан профессор заранее даёт ответ. Всё, оказывается, именно

так и было! «Обладание материальным базисом непреложно подводило белорусское крестьянство к борьбе с нетрудовым элементом, к борьбе за власть, за дальнейшее направление политики страны. Крестьянский класс сделал громадные успехи. И этот успех дал ему право требовать уничтожения всякого рода остатков старых производственных форм и перехода к новым. Командующий нетрудовой класс не мог без борьбы пойти на уступки, он не был пригоден на проведение в жизнь новых начал и он долженствовал быть сметённым».

Так что ж? – выходит, монархист–антисоветчик Солоневич ошибался, а честные советские историки его поправили? И ведь это вам не хлёсткая фраза, вырвавшаяся в пылу полемики у вольного публициста!.. Это – развёрнутый вывод, сделанный профессиональным историком, специализирующимся на истории местного сельского хозяйства; помещённый им в учебнике.

А при желании можно было бы надёргать ещё целую кучу подобных утверждений из уст советских историков последующих эпох! – о темпах экономического развития предреволюционной России и росте государственного бюджета, о количестве заводов–гигантов и степени концентрации труда и капитала и о прочих доказательствах «русского экономического чуда». Оперировав такими аргументами – «не подлежащими сомнению» свидетельствами из уст врага – можно захватить далеко...

§ 4.3. Но можно обойтись и без ссылок на советских историков (раз уж воспринимать всё, что вышло из-под пера Ивана Лукьяновича, как истину в последней инстанции).

Солоневич – при всём уважении к этому сильному и самостоятельному уму – был человек не без странностей. Иной раз он писал такие вещи, что исследователи его творчества до сих пор диву даются: откуда он вообще это взял?! – то ли позаимствовал из какой-то совсем уж бульварной периодики, то ли услышал от базарной бабы, то ли просто приврал «ради общей пользы». Скажем, изучать историю Московской Руси или Петровских реформ по Солоневичу – преступление.

Да и в тех случаях, когда Солоневич пишет о современной ему эпохе – о царствовании Николая Второго, он порой повергает читателей в состояние ступора. Даже когда речь идёт не об анализе сводных статистических данных, как в вышеприведённой цитате (где и более добросовестный и дотошный человек может запутаться и ошибиться!..), а о том, что Солоневича непосредственно окружало; о том, что он видел собственными глазами; более того! – о том, что прямо касалось его самого.

Отчего бы критикам предреволюционной России не сослаться на такое его свидетельство: «М-р Эттли хлопочет о бесплатном среднем и высшем образовании – при Николае Втором в России оно было почти полностью бесплатно, а перед самой революцией был проведён закон о полной бесплат-

ности – причём не только обучения, но и жизни во время обучения. Мой отец окончил учительскую семинарию за казённый счёт – в этот казённый счёт входило всё содержание и питание учащихся. Я за всё время своего обучения в университете внёс только плату за вступление – 25 рублей».

Казалось бы, приведите эти слова Солоневича – и дело с концом. И не придётся больше спорить о том, пренебрегало царское правительство просвещением народа или нет, – всё же сказано (притом – с опорой на личный опыт). Однако подобные свидетельства Солоневича не пользуются успехом у неосоветчиков. Но вряд ли – только из-за их *лживости*; скорее – из-за того, что они им «не в масть».

Поэтому предавать принципиальное значение всему, что Солоневич когда-либо написал, не стоит (что же касается статистических данных, то о них впереди ещё будет отдельный долгий разговор!). Можно только предположить, что в данном случае Иван Лукьянович был движим чувством раздражения – на «лакировщиков действительности» из числа старой эмиграции, с которыми он всю жизнь смертельно враждовал; на недорезанных большевиками помещиков, ничего не забывших и ничему не научившихся, ностальгирующих по прежнему житью-бытью...

Если же разбирать саму ключевую фразу Солоневича, столь любившуюся неосоветчикам, то, строго говоря, ничего сенсационного она в себе не содержит. Ведь действительно: «реки шампанского», да ещё и «в берегах из паюс-

ной икры», могли течь только для ничтожного меньшинства! А если сравнивать уровень жизни «основной массы населения» (то есть крестьянства) с уровнем жизни в богатой Европе (где Солоневич осел после побега из советских лагерей), то иначе как «нищенским» его назвать трудно.

Дореволюционная Россия действительно была достаточно бедной страной и от передовых стран Западной Европы и США отставала очень сильно. Ни один здравомыслящий человек не спорил с этим ни тогда, ни сейчас.

Глава 5

§ 5.1. Совсем уж смешными и жалкими представляются попытки неосоветчиков поставить себе на службу русскую классическую литературу! Не находя для рисуемой ими фантастической картины «Вымирающая от голода царская Россия» убедительных аргументов в дореволюционной и эмигрантской публицистике, они пытаются привлечь на благо дело отечественную беллетристику конца 19–го – начала 20–го века.

То есть мало того что их убогие публикации, по большей части, представляют собой пасьянсы из одной и той же засаленной колоды (которая уже была разобрана выше); так ещё и заканчиваются они одинаково: мол, читайте русскую классическую литературу, там всё сказано о России–которую–мы–потеряли. Вот – в качестве примера – выдержка из одного популярного интернет–паразита: «Бодрящая статистика. Впрочем, никакие цифры и факты не заменят литературу тех лет. Господа, читайте Гиляровского, Лескова, Горького, Некрасова, тысячи их!»

Конечно, и чтение беллетристики может многое дать (хотя «цифры и факты» она не может заменить по определению!). Да вот только рекомендации те даются неосоветчиками не от большого ума. Если б эти несчастные сами читали русских классиков, а не только выдранные из них цитаты, –

они бы никогда не стали давать подобных советов. Ибо о вымирающем от голода русском народе речи там нигде не идёт – хоть нынешние неосоветчики и пытаются уверить в этом себя и других...

А ведь все упомянутые выше авторы – действительно – ярко запечатлели в своих повестях, очерках и рассказах современную им российскую деревню. И, как и полагается реалистам, они там о каких только «социальных язвах» не писали! И об отсталости русской деревни, о косности и несправедливости сельского уклада; о крестьянской бедности (порой – откровенной нищете). О темноте и невежестве, о диких крестьянских предрассудках. О свойственных простолюдину зависти, алчности и стяжательстве; о крестьянской жестокости и страшных расправах «всем миром»... О неприглядных сторонах семейной жизни; о пьянстве и о печальной участи женщины.

Словом, о чём угодно писали – порой с надрывом кричали – корифеи русской литературы, описывая подлинные и мнимые «ужасы» современной им жизни. Но вот о голоде почему-то у них ничего и нет (важное примечание: за исключением событий 1891–92 года в царствование Александра Третьего; о которых впереди ещё будет особый разговор).

И к этим авторам дореволюционной России можно было бы добавить классиков советской литературы, писавших о предреволюционной эпохе, – например, таких непохожих как Булгаков и Серафимович. Ну, правда, Серафимович на-

чал писать ещё до революции... Вот уж у кого поражающие воображение зарисовки дореволюционной деревни!

И (что особенно ценно в данном контексте) уж этих – то писателей никак нельзя заподозрить в стремлении «смягчить углы», дабы потрафить царской цензуре. Однако и у этих авторов – точно так же как у их дореволюционных собратьев по перу – среди разнообразного и избыточного негатива нельзя найти одного: голода (в том смысле, в каком он стал пониматься в России после 1917 года, – то есть как отсутствие у людей пищи).

Вернее, найти можно – хоть у того же Серафимовича!.. Его очерки «Мечь» и «Глянули», опубликованные в «Правде», тяжело читать. Только вот речь там идёт не о дореволюционной России, а о послереволюционной. Особенно показательно – то, что увиденное оказалось шоком для самих крестьян; они – то прежде ничего подобного даже вообразить себе не могли – пока не съездили и не «глянули».

Находятся, правда, сегодня интернет – сумасшедшие, которые пытаются притянуть в качестве доказательства «людоедства в голодающей дореволюционной деревне» повесть Лескова «Юдоль (Рапсодия)». Даром, что речь там шла о далёких временах крепостничества (голод 1840 года в Орловской губернии); а самое главное – обе приведённые там истории о людоедстве оказались плодом фантазии деревенского враля! Ну, это не мудрено: повесть большая; всю её неосоветчики, наверно, и не читали...

Авторское же отношение к подобным историям высказано в повести предельно чётко: «Известно, что и в 1892 году в деревнях об этом пробовали говорить; но теперь писаря и старшины читают газеты и знают, что о таких событиях пишется, а потому ложь скоро опровергается; но тогда было другое дело».

§ 5.2. Не менее странным представляется совет всем сомневающимся (в том, что дореволюционная Россия – филиал ада на земле...) читать художественные и документальные очерки Владимира Гиляровского.

Интересный аргумент!

Дело в том, что репортёр Гиляровский в своё время прославился красочными живописаниями московского «дна» – жизни бродяг и нищих, обитателей ночлежек и притонов, преступников и сыщиков. Да, его рассказы об участии опустившихся алкоголиков или детей, попавших в руки профессиональных нищих и содержательниц публичных домов, ужасны! Но надо понимать, что это – «криминальная хроника».

Кстати сказать, Гиляровского часто и не без оснований обвиняли в стремлении «сгустить краски» и вообще – показывать исключительно тёмные стороны жизни (но «дядю Гиляя» тоже можно понять – как ловкого и предприимчивого газетчика, заинтересованного в росте тиражей и повышении собственного гонорара «за строку»). Он и опублико-

вал подобные ужасы, по большей части, в газетных очерках. В его откровенно слабых художественных произведениях и хвастливой беллетризированной автобиографии жизнь простонародья описывается всё больше в былинно–богатырском и разбойно–романтическом ключе...

Леденящие душу злодеяния совершаются (особенно – среди деклассированных подонков общества) даже в наше время и в самых благополучных странах. Но это ещё не даёт оснований говорить о том, что «в стране – голод» и «дети вынуждены продавать себя, чтобы прокормиться». Такие явления – предмет заботы правоохранителей и специализированных социальных служб. Делать на основании подобных фактов (щекочущих нервы читающего газету обывателя) выводы об «уровне жизни народа» – чистейшей воды демагогия.

Собственно говоря, демагогией являются все эти потуги доказать факт голода в предреволюционной России на основании подтасованных выдержек из чьих–то – более или менее «ангажированных» – публицистических работ и более или менее конъюнктурной беллетристики. Для того чтобы всерьёз разобраться в проблеме «голода в царской России», нам придётся обратиться к дореволюционной хлебной статистике.

Часть II

Уравнение с тремя неизвестными

В сущности своей всякий народ – стихия анархическая; народ хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей.
Максим Горький

Глава 1

§ 1.1. На первый взгляд, статистика – штука суровая, скучная и не романтическая. Мало кого можно ею увлечь.

Ладно ещё «статистика войны»! – калибры артсистем, «суммарное водоизмещение», насыщенность подразделений пулемётами, «вес бортового залпа», запас хода по шоссе, «практический потолок»; и, конечно, самый сок – убитые, раненые и пленные, цифры санитарных и безвозвратных потерь (у нас и у противника). Есть немало людей, которые, не будучи ни профессиональными историками, ни профессиональными военными, тем не менее страстно и увлечённо разбирают «историю войн», во всей её сложности и полноте, – от тактики стрелковых подразделений до планов мобилизации, от сравнительных ТТХ средних танков до

«ресурсозатратности» их производства...

Все эти люди активно обмениваются мнениями и объединяются по интересам; в разных формах – от дискуссий на специализированных сайтах и форумах до создания обществ, кружков и клубов (как у «ролевиков» и «реконструкторов»).

А сельское хозяйство и продовольствие... что ж тут интересного? – какого неспециалиста могут увлечь площадь запашки, конское поголовье, колеблемость урожаев, среднедушевое потребление, объём местных резервов, транзитная хлеботорговля, «центнеры с гектара» да «килокалории на человека»?.. Однако неосоветчики умудрились и эту (действительно скучноватую) тему сделать интересной для исследования и воистину захватывающей. Как им это удаётся? – да как всегда: при помощи лжи и передёргиваний. Следить за их «ловкостью рук» – одно удовольствие!

В случае со статистикой неосоветчики действуют точно так же, как они действовали в случае с отражением «дореволюционной действительности» в произведениях литературы и воспоминаниях современников. В той сфере (зыбкой и туманной, уже в силу оценочности...) они строили свои доказательства от противного – сначала приводя явно идиллические описания царской России из уст апологетов Империи, а потом опровергая их страстными и обличительными описаниями из уст её противников. По сути дела, они действовали по принципу: «Всё сказанное Вами может быть использова-

но против Вас».

При этом «градус неадекватности» порой повышался в разы! Но нужный психологический эффект достигался: у «среднего» читателя, которому сначала процитировали Солоухина, потом обрушили на его голову серию ударов в виде свидетельств Толстого и Энгельгардта, а в конце – добились Соловьевым, должно остаться впечатление «полного разгрома».

Вопрос: кого? – реально существовавшей Российской Империи или конкретного автора, написавшего плохую книгу о Российской Империи (либо просто неудачно выразившегося)?..

Если о достойном человеке с интересной судьбой некий писатель–халтурщик написал плохую биографическую книгу (в которой изобразил его в явно неправдоподобном виде – как смесь всепобеждающего супермена с безгрешным ангелом), то раскритиковать такую книгу, указать на содержащиеся в ней преувеличения, недостоверные факты и откровенные нелепости – долг всякого честного критика. Но порочит ли это самого реального героя книги?

А что сказать о критиках, которые специально выискивают самые нелепые, заведомо неправдоподобные жизнеописания исторического лица – с единственной целью: опорочить этого человека; перенести читательский гнев с конкретных авторов (написавших плохие книги по глупости или из конъюнктурных соображений...) – на героя этих книг?! Которого, к слову сказать, нельзя даже обвинить в том, что эти

апологетические книги – «заказные» (ибо человек умер ещё в 1917 году!).

§ 1.2. Вот и в случае с цифрами, со статистическими данными (казалось бы – обязывающими к большей добросовестности) неосоветчики поступают точно так же. И достигают того же самого психологического эффекта.

К сожалению, им «есть от чего танцевать». Началось всё ещё с произведений монархистов, из числа эмигрантов первой волны. У них порой – чего только не встретишь!.. Сюда можно отнести старания членов всяких «общероссийских монархических фронтов» (рупором которых был неудобозабываемый Борис Бразоль); немалые усилия по лакировке до-революционной действительности прилагала РПЦЗ (создавая, так сказать, необходимый базис для канонизации императора Николая Второго).

В перестроечные и постперестроечные годы многие из этих эмигрантских баек были повторены уже непосредственно в России. Однако – к чести наших современников–монархистов – надо сказать, что они не ограничились простым повторением старой лжи; они привнесли много нового. Так что на давно уже создаваемое коллективными усилиями православной общественности светозарное полотно «Изобильная, процветающая Россия под скипетром Святого Царя» (в духе позднего Глазунова) на протяжении 1980–1990 годов было нанесено немало новых ярких мазков! В последние годы на

этой ниве изрядно потрудились такие люди как Назаров, Боханов, Платонов, Мультиатули, Борисюк...

При этом некоторые, наиболее смачные, доказательства «изобилия и процветания» были прямо передраны из старых эмигрантских источников. Другие – видимо, услышаны авторами в ходе личного общения с престарелыми «бывшими» или экзальтированными «визионерами» (специфический жанр «устной истории»). Третьи – дорисовывались уже самостоятельно, в результате лукавых алхимических манипуляций над данными дореволюционной статистики. Поэтому, разбирая очередной перл царебожников, иной раз нелегко отыскать его первооснову – тот «первоисточник», на который впоследствии стали опираться, перепевать его, обогащать и домысливать.

Ну так ведь искусственно созданный исторический миф – это не та «победа, у которой всегда много родителей»! В конце концов, не так уж важно, кто *первым* написал какую-то явную глупость (или, скажем мягче, – кто первым ошибся). Вряд ли стоит начинать дотошные розыски по факту каждой благостной сказки (или «добросовестного заблуждения») и доподлинно выяснять, кто же именно в каждом конкретном случае первым соврал (ошибся).

Тем более что массив откровенных мифов и тенденциозно подобранных фактов о предреволюционной России хотя и велик, но... довольно однообразен. Одни и те же мифы (передёргивания) кочуют из эмигрантских книг в работы со-

временных авторов–монархистов, а оттуда – выплёскиваются на широкие просторы интернета. Иногда – в оригинальном виде (как электронные версии чьих–то книг), но чаще – в виде броских и коротких сравнительных таблиц, наглядных картинок и т.п.

Вот эти наивные побасенки и служат основным аргументом для нынешних несоветчиков, которые охотно их ретранслируют – только уже с собственными выводами и комментариями.

Глава 2

§ 2.1. Начнём с лидирующих позиций Российской Империи в мировой хлеботорговле и известного тезиса, что царская Россия была кормилицей Европы.

Казалось бы, данные факты: «Россия была крупнейшим экспортёром зерновых» и «Россия кормила Европу хлебом», – настолько очевидны, что опровергнуть их невозможно! Однако несоветчики пытаются даже эти очевидные факты поставить под сомнение. И делается это ими не без помощи наших православных монархистов – которые, со своими непродуманными заявлениями, буквально подставляются под бой...

Вот, например, старый добрый Бразоль, с его «Царствованием Императора Николая II в цифрах и фактах». В 3–м разделе («Земледелие») у него есть такие слова: «В 1913 г. в России урожай главных злаков был на 1/3 выше такового же Аргентины, Канады и Соед. Штатов вместе взятых». С 1958 года, когда была издана эта брошюра, прошло много лет, было много возможностей проверить подлинность приведённых в ней цифр, но некоторые наши монархисты продолжают по сей день бездумно тиражировать однажды прочитанное или услышанное.

Вот анонимный сборник «Шестьдесят фактов о последнем Русском Императоре», широко представленный в интер-

нете. Там, в качестве 35-го «факта», почти дословно повторяется та же фраза: «Крупнейший в мире экспортёр зерновых культур, льна, яиц, молока, масла, мяса, сахара и пр. Урожай зерновых на 1/3 больше урожаев Аргентины, США и Канады вместе взятых».

Бразолевский «урожай главных злаков» заменён на «урожаи зерновых»; хотя, строго говоря, не все зерновые – «главные». И так же, как и Бразоль, в двух фразах разобрались и с экспортом и с производством зерна!

А вот отрывок из текста лекции Галины Павловой (активист Фонда «За нравственность!»; публикуется в интернет-проекте «За царя» и т.п.) под названием «Россия в период правления Николая II»: «К 1913 году Россия становится крупнейшим в мире экспортёром зерновых культур, льна, яиц, молока, масла, мяса, сахара и пр. Представьте себе: мы производили зерна на 1/3 больше, чем 3 других крупных мировых государства вместе взятых, таких как Канада, Австралия и Аргентина».

Бог с ним, с эмоциональным, «задушевым» стилем... Но вот сваливание в одну кучу объёма экспорта и объёма производства – это не очень-то грамотно. А самый смех – указанные конкуренты России в экспорте зерновых: «на 1/3 больше, чем 3 других крупных мировых государства вместе взятых, таких как Канада, Австралия и Аргентина». Вообще-то Австралия сроду не была в лидерах хлеботорговли. Госпожа лектор в данном случае попросту перепутала Австралию с

Америкой (США) – действительно, крупнейшим конкурентом России в мировой хлеботорговле, постоянно упоминаемым в качестве такового!..

Зато такой ошибки не допустили функционеры из ЛДПР. Идя на последние парламентские выборы (2016 года) Либерально–демократическая партия издала – тиражом два с половиной миллиона экземпляров! – предвыборную брошюру под названием «Русская душа». В этой достаточно объёмной (80 страниц) книжке есть специальная глава о предреволюционной Российской Империи – называется: «Миф о "лапотной России"». Вот там всё написано правильно, «канонично»: «А к 1914 году наша страна – крупнейший в мире экспортёр зерновых культур, льна, яиц, молока, масла, мяса, сахара и проч. Урожай зерновых на 1/3 больше урожаев Аргентины, США и Канады, вместе взятых».

Тут всё «как учили»! – «Аргентины, США и Канады, вместе взятых». То есть хотя бы Америку с Австралией авторы не путают. Уже прогресс. Экспорт зерновых и объём производства – так же свалены в одну кучу.

§ 2.2. А теперь – о том, как пользуются подобными заявлениями монархистов (и жириновцев) наши несоветчики.

Игорь Пыхалов в своём «боевике» – давно раздёрганной на цитаты и бессчётное число раз повторённой и упомянутой другими леваками работе «Кормила ли Россия пол–Европы?» – с видимым удовольствием цитирует апологетов

дореволюционной Империи: «В подкрепление своей "концепции" сторонники подобных взглядов любят ссылаться на благословенное царское время, когда никаких колхозов не было и в помине, а при этом «Россия к 1913 году собирала пшеницы больше, чем США, Канада, Аргентина вместе взятые, и кормила хлебом чуть ли не полмира...» [92]. Или как пишет другой автор: «К 1909 г. Россия выходит на первое место в мире по производству зерна и выращивает более половины мирового сбора ржи, более четверти – пшеницы, овса, ячменя. В 1913 г. урожай зерновых был на треть выше, чем в США, Канаде и Аргентине вместе взятых» [93]».

Ссылается Пыхалов на работы Рыжова «О царе–мученике и его монархической идее» и Муша «Феномен русского хлеба. Вчера и сегодня». При желании мог бы привести ещё десяток!..

После чего Пыхалов проделывает необходимые демагогические манипуляции (своего рода магические пассы). Для начала – рассказывает читателям о том, сколько жителей насчитывалось в 1913 году в России, США, Канаде и Аргентине. С комментарием: «Получается, что бахвалиться особо нечем: даже если предположить, что Россия в те времена и выращивала чего–то на треть больше, чем США, Канада и Аргентина вместе взятые, на душу населения это всё равно выходит меньше».

Скажите пожалуйста! Всё–таки ни у кого из процитированных авторов речь не идёт о том, что–де в царской Рос-

сии было самое высокое душевное производство сельскохозяйственной продукции (или – самое высокое потребление). Но Пыхалов на всякий случай сразу одёргивает тех, кто готов порадоваться за Российскую Империю, – мол, в любом случае отсталой царской России гордиться нечем...

Не мудрено! Ибо у несоветчиков всех мастей общим местом является преувеличенное представление о нищете русского дореволюционного крестьянина – как о следствии совокупного воздействия трёх присущих именно царской России негативных факторов: исключительного «малоземелья», исключительно тяжёлого бремени платежей и исключительной отсталости способов хозяйствования (каковые, мол, и отличали русского крестьянина от его более счастливых западных собратьев!).

Да, все эти негативные факторы присутствовали в жизни российского крестьянства. Но ни один из них нельзя абсолютизировать; соответственно – нельзя столь решительно противопоставлять отсталое российское сельское хозяйство передовому западному.

В действительности всё было гораздо сложнее.

Так, подати и выкупные платежи русских крестьян к началу 20-го века были не так уж высоки в сравнении с налогообложением в странах Запада (притом царское правительство периодически прощало крестьянам долги и списывало недоимки). Что касается обеспеченности землёй, то средний размер крестьянского надела в России превосходил размер

среднего европейского.

То есть условный «средний российский крестьянин» (если брать статистику по регионам, то ситуация будет сложнее...) был лучше обеспечен землёй, нежели европейский! Европейский крестьянин «брал» более совершенной сельскохозяйственной техникой, широким использованием минеральных удобрений, передовой системой севооборота; и вообще – более передовой организацией труда.

Фермеры Нового Света в целом были обеспечены землёй лучше, чем русские крестьяне, но хозяйство своё тоже вели достаточно «экстенсивно» – поэтому средняя урожайность в США и Канаде была не намного выше российской. «Выбирались» западные фермеры, главным образом, за счёт более благоприятных природных условий и большей площади запашки. Что ж, по поводу фундаментальных преимуществ жителей этого молодого континента ещё Бисмарк сказал: «Бог Всемогущий заботится только о младенцах, пьяницах и американцах».

Впрочем, даже вся эта совокупность благоприятных факторов (особенно впечатляющих в сравнении с российскими условиями) не гарантировала мелких фермеров США и Канады от голода в случае сильного неурожая. Да! – такая вещь как голод была знакома и американским фермерам конца 19-го – начала 20-го века. В ту эпоху крестьяне, живущие плодами матери–земли, повсеместно зависели от её капризов...

Вот, кстати, ещё одна характерная особенность неосоветской публицистики: поскольку сравнение «жалкой» российской урожайности с довольно низкой американской и канадской не произведёт сильного впечатления на читателя, то его обычно и не делают! Неосоветчики охотно сравнивают валовой сбор, численность населения, высчитывают душевое производство и т.п., а такую простую вещь как сравнение урожайности в ведущих мировых странах–экспортёрах (в «самах» или в центнерах с гектара) обычно пропускают.

Иногда, правда, поступают ещё остроумнее: сравнив Россию по всем остальным показателям с США и Канадой, в заключение сравнивают российскую урожайность с... западноевропейской. При этом, разумеется, выбирают наиболее богатые и развитые страны того времени, с самым передовым фермерским хозяйством, – вроде Голландии или Германии, а не какие–нибудь Италия, Испания или Греция (где урожайность могла быть ещё ниже российской!). Но это к слову.

§ 2.3. Далее Пыхалов приводит таблицу с данными об урожае 1913 года по пяти основным зерновым злакам (пшеница, рожь, ячмень, овёс, кукуруза) в России, США, Канаде и Аргентине – из «Сборника статистико–экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств» (1917 года издания).

Тут надо сразу оговориться: данные официальной стати-

стики об урожае зерновых в Российской Империи были не совсем достоверными – в действительности Россия производила больше! – но об этом впереди ещё будет специальный разговор... Однако даже официальная, существенно заниженная, статистика показывает безусловное лидерство России в производстве пшеницы, ржи, ячменя и овса. Лишь по производству кукурузы (не очень подходящей для российского климата и в ту эпоху мало культивируемой) Россия находилась на третьем месте. В итоге по производству пяти основных зерновых злаков Россия в 1913 году оказывается на втором месте в мире, с небольшим отставанием от США (вырвавшихся вперёд исключительно благодаря кукурузе).

Довольный Пыхалов комментирует это следующим образом: «Как мы видим, процитированные выше утверждения не соответствуют действительности. Если брать урожай пшеницы, то хотя наша страна и опережала в 1913 году по этому показателю Соединённые Штаты, однако США, Канаде и Аргентине в совокупности она уступала. Если же рассматривать не только пшеницу, а суммарный урожай пяти основных зерновых культур, то здесь она уступала даже одним США».

Подумать только: на самом деле царская Россия «уступала США, Канаде и Аргентине в совокупности»! И о чём это говорит? – только о том, что неразумные авторы шапкозакладательных заявлений в духе «мы одни производили больше всех остальных вместе взятых» оказались неправы.

Но сталинисту Пыхалову этого мало (что естественно: ибо

главная его мишень – не какой-то там недобросовестный автор или «лектор», а предреволюционная Российская Империя). Поэтому он опять, по принципу «Повторение – мать учения», возвращается к количеству жителей: «Ну а если ещё и разделить эти цифры на количество жителей в каждой из этих стран, результат будет и вовсе безрадостным...». Почему же: «безрадостным»? Всё по той же причине – из-за отставания от других лидеров хлебного экспорта в расчёте на душу населения. Повторяйте, запоминайте, проникайтесь...

А поскольку объём производства и объём экспорта – это действительно разные вещи, Пыхалов приводит ещё одну таблицу: разница между вывозом и ввозом зерновых за 1913 год. В соответствии с этой таблицей, Российская Империя (25,74 % мирового экспорта зерна) делила лидирующие позиции с Аргентиной (26,01 %), значительно опережая США (14,81 %) и Канаду (10,97 %). Прочие государства и территории – даже такие огромные как Ост-Индия, Австралия и Китай – в конкуренты России не годились.

Казалось бы, более чем наглядное доказательство успеха товарного производства зерна в Российской Империи, не правда ли?..

Сам Пыхалов вынужден с этим согласиться – правда, сквозь зубы, с совершенно неостроумной иронией: «Итак, на радость поклонников Столыпина, «Россия, которую мы потеряли» действительно являлась крупнейшим экспортёром хлеба». И... в третий раз подряд пишет о численности насе-

ления: «Триумф несколько омрачает то обстоятельство, что это звание она делила с насчитывавшей в 21,4 раза меньше населения Аргентиной».

Не поспоришь. Но если так, то и США – насчитывавшие на тот момент в 12,4 раза больше населения, чем Аргентина, а хлеба продавшие в 1,8 раза меньше, – выглядят бледновато! Это естественно: в густонаселённых странах огромная доля произведённой сельхозпродукции уходила на собственное потребление.

§ 2.4. А как же с «кормлением Россией полмира (или пол-Европы)»?.. Об этом Пыхалов, разумеется, не забывает. Было бы странно, если бы неосоветчик этим не воспользовался.

Потому он пишет: «Разумеется, о том, чтобы кормить «полмира», не могло быть и речи – хотя бы потому, что свыше 98 % экспортируемого Россией хлеба шло в Европу [100]. Однако и «пол-Европы» накормить тоже не получалось: в 1913 году зарубежная Европа потребила 8336,8 млн пудов пяти основных зерновых культур, из которых собственный сбор составил 6755,2 млн пудов (81 %), а чистый ввоз зерна – 1581,6 млн пудов (19 %), в том числе 6,3 % – доля России [101]. Другими словами, российский экспорт удовлетворял всего лишь примерно 1/16 потребностей зарубежной Европы в хлебе».

Вот как. Оказывается, не кормили мы Европу, а всего-то лишь – стыдно сказать! – поставляли 1/16 от её потребно-

стей. И на кой чёрт только понадобилась Россия той Европе? Должно быть, покупала она хлеб у русских, как спички у нищего – из одной благотворительности...

Пыхалов почти так и пишет: «Неудивительно, что когда после начала 1-й мировой войны вывоз русского хлеба практически полностью прекратился (в 1915 году было экспортировано 17452 тыс. пудов пяти основных зерновых культур – в 32 раза меньше, чем в 1913-м, когда, как мы помним, этот показатель составил 554549 тыс. пудов [103]), выяснилось, что Европа вполне может без него обойтись».

Это – опять-таки апеллирование к эмоциям (которому непременно должны предшествовать цитаты из книги какого-нибудь царебожника! – иначе никого не проймёт...).

В действительности в ту эпоху большая часть основных видов сельхозпродукции – к каковым относятся зерновые – потреблялась там же, где производилась. Прежде всего это относится к густонаселённым странам (а самым густонаселённым континентом была Европа). Соответственно, местные потребности в сельскохозяйственной продукции удовлетворялись местным же производством: европейские крестьяне кормили европейские города.

Рынок зерновых был, по преимуществу, внутренним рынком. И это не было результатом каких-то специальных государственных мер по «обеспечению продовольственной безопасности»; это диктовалось естественным порядком вещей – свой постоянный потребитель был рядом. И его числен-

ность постоянно возрастала (в результате процесса урбанизации). Соответственно – возрастала потребность в хлебе. И вот эту потребность в хлебе европейский крестьянин восполнял с всё большим трудом: европейскому селу было всё труднее прокормить европейский город!

Это и вынуждало европейские страны во всё большем объёме «докупать» недостающее зерно за рубежом. Русский хлебный экспорт был ответом на насущную европейскую потребность в хлебном импорте. Ибо Европа могла обеспечить себя зерном только на четыре пятых. Примерно пятая часть потребности (19 %) покупалась на внешнем рынке; при этом 6,3 % – у Российской Империи.

То есть доля России составляла одну треть от всего зерна, покупаемого Европой на внешнем рынке. Доля остальных стран–экспортёров (это, главным образом, США, Канада и Аргентина) составляла две трети. Вот откуда и пошли эти фантастические заблуждения: потому что треть (больше всех!) – доля России, а две трети – доля США, Канады и Аргентины вместе взятых. И именно с тремя этими странами–конкурентами сравнивали Россию дореволюционные статистические справочники. Возможно, в своё время престарелого эмигранта Бразоля подвела память...

А вот что касается заявления Пыхалова, будто в ходе Первой Мировой войны «выяснилось, что Европа вполне может без него (российского хлеба) обойтись», то для этого надо обладать изрядным нахальством!

Ко времени Первой Мировой богатая Европа успела уже поотвыкнуть от массовых народных бедствий, а тут на неё – прежде всего на страны Центрального блока – обрушился настоящий голод: продуктовые карточки, малосъедобный «военный хлеб» (норма выдачи которого в Германии опускалась до 170 граммов на человека в день), страшная «брюквенная зима» 1916–го – 1917–го, официальная пропаганда охоты на ворон, массовая смертность от недоедания... И, как итог, – готовность немецких представителей заключить мир в Бресте любой ценой (лишь бы поскорее начать получать хлеб с Украины!). Если исходить из структуры европейского предвоенного хлебного импорта, то как минимум на одну треть эти беды объяснялись исчезновением из рациона немцев российского хлеба.

Так что дореволюционная Россия действительно кормила Европу. Только не надо юродствовать и пытаться толковать образное выражение «кормила пол–Европы» в строго арифметическом смысле – как «обеспечивала 50 % всей совокупной потребности зарубежной Европы в зерне».

Глава 3

§ 3.1. Чтобы закончить с «внешней» стороной российского хлебопроизводства и полностью сосредоточиться на его внутренних аспектах, необходимо ответить ещё на один важный вопрос: а что получала Россия, продавая свой хлеб за рубеж? Иначе говоря: на что Империя тратила вырученные от хлебного экспорта деньги?

Конечно, торговля зерном – это не то же самое, что торговля высокотехнологичными товарами, «не имеющими аналогов». Передовые государства Западной Европы прежде всего выбрасывали на внешний рынок промышленную продукцию (приносившую большую прибыль, нежели продукция сельскохозяйственная). В то же время не надо забывать, что США – передовая промышленная держава! – были, наряду с Россией, одним из главных экспортёров зерна.

Это естественно. Если у государства есть условия для развития аграрного сектора, то почему бы этим не пользоваться?

Понятно, что богатая, передовая Америка, выбрасывая свой хлеб на внешний рынок, оставалась гарантированно сытой: средний американец (в том числе – американский фермер) питался значительно обильнее, разнообразнее и здоровее, чем средний русский крестьянин. Но бедная и отсталая страна тоже не может позволить себе существовать в режиме

«автаркии». Как раз бедная и отсталая—то и не может!.. Ибо она особенно нуждается в импортных товарах – тех, которые не производит сама (или производит в ограниченном количестве). Такая страна выходит на внешний рынок с тем, что у неё есть. У Российской Империи был хлеб (был, конечно, не один только хлеб; но речь идёт прежде всего о нём).

И это тоже естественно. Так происходило всегда и везде. Вряд ли каждый старатель был невиданно богат и дома у него было не протолкнуться из–за золотых слитков. И вряд ли его жена была увешана золотом с головы до ног... Однако старатель отдавал добываемое золото в чужие руки – чтобы приобретать необходимое ему. Здесь весь вопрос в обоснованности, продуманности и конечной оправданности такого товарного обмена.

Вот именно по этому поводу в стане неосоветчиков и не смолкает – уже который год! – дружный стон и вопль. Именно этот вопрос является одним из главных пунктов обвинения, выдвигаемого ими в адрес Российской Империи. Именно это страшное злодеяние они считают одним из главных «законных оснований» для уничтожения *той России*.

Приведём несколько наиболее характерных цитат; «проникнемся»...

§ 3.2. Вот выдержка из уже упомянутой недобрым словом работы Максима Калашникова «О жизни в царской Расее – 1»: «Кстати, а как тогдашняя российская элита тратила полу-

ченную от вывоза зерна валюту? Ну ладно: при Сталине тоже хлеб вывозили, заставляя народ голодать, но всё–таки на вырученные деньги закупали новейшие технологии, современное оборудование, строили передовые промышленные предприятия, специалистов высокого класса готовили. А что при царе–то?

Нефёдов приводит статистику за 1907 год. Вывоз хлеба тогда принёс доход в 431 млн. тех, полновесных рублей. Золотых, надо сказать. Из этой суммы на дорогие потребительские товары для аристократии и помещиков истрачено было 180 миллионов. Ещё 140 миллионов русские дворяне (торговцы хлебом) оставили за границей – в казино, в Париже, на курортах, в ресторанах и гостиницах, недвижимость покупали. На оборудование же и машины для реального сектора истратили только 58 миллионов рубликов (40 – на промышленное оборудование, 18 – на сельхозмашины)».

Всему этому беспросветному ужасу Калашников противопоставляет гипотетические действия, которые должна была, по–хорошему, предпринимать царская власть: «Романовское государство должно было всячески ограничивать вывоз зерна, заставляя тогдашнюю верхушку искать другие статьи доходов. Дескать, хотите хорошо жить – не спускайте денежки в Париже, а ставьте перерабатывающие производства, занимайтесь металлургией, производством машин, часов, оптики. И не смейте рассчитывать только на экспорт сырья! Работайте – как работает французская, английская, немецкая

элита!

Но власть Романовых была властью жадной и ленивой низшей расы, жаждавшей грести миллионы немедленно, без труда, на вывозе зерна. Чем она и занималась, львиную долю вырученных денег оставляя за рубежом».

В конце своей работы Калашников не может удержаться от параллелей с современной Россией: «Таким образом, низшая раса, заставляя русских всё время балансировать на грани голода и всё время поститься, не только проворовывала, но и прожирала Россию. Спускала деньги от зернового экспорта на своё сверхпотребление – и превращала страну в зерновую (сырьевую) колонию тогдашнего Запада. Как видите, реалии той «России, которую мы потеряли» до боли напоминают реалии нынешней РФ. Сегодня правящая Росфедерацией низшая раса тоже спускает миллиарды долларов, полученных от вывоза сырья (хотя уже углеводородов, а не только зерна) на лондонскую недвижимость, особняки во Флориде, на флотилии роскошных яхт и на футбольные заграничные команды. В этом отношении русские православные купцы и дворяне ничем не отличаются от нынешних чинуш и олигархов еврейского происхождения. Впрочем, львиная доля дельцов РФ – отнюдь не евреи. Так что можно смело сказать, что нынешняя бело–сине–красная «элита» успешно восстановила традиции России царской. И тогда, и сейчас страну грабят и прожирают за рубежом. И русские миллиарды утекают, таким образом, в экономики США, Европы,

Китай. Так же, как и при последних царях».

Да, резок Максим Калашников по отношению к нынешней власти, ничего не скажешь!.. Но нас сейчас интересует не доля лиц еврейского происхождения среди российских чиновников и предпринимателей, а тот образ дореволюционной России, который Калашников навязывает своим читателям.

Особенно забавны две вещи.

Во-первых – назойливое сравнение экспорта произведённой в стране сельскохозяйственной продукции с экспортом сырой нефти и газа. А ведь это далеко не одно и то же! Сельское хозяйство – это производительный труд. Приравнять производительный труд на земле к распродаже полезных ископаемых... наверно, надо быть несоветчиком, чтобы додуматься до такого! Кроме того, проданная на внешнем рынке сельскохозяйственная продукция – это богатства возобновляемые (в отличие от тех же нефти и газа). Так что Российская Империя, экспортируя выращиваемое ею зерно, отнюдь не паразитировала за счёт будущих поколений (как это делал поздний СССР или нынешняя РФ).

Во-вторых – забавляет упоминание о бедных русских людях, которых царская власть вынуждала «всё время поститься». Ну, о том, как постились русские люди, жившие при Николае Втором, мы ещё поговорим. Пока ограничимся кратким замечанием: нам такая «аскеза» действительно не по плечу!

Но главная мысль Максима Калашникова понятна: почти вся прибыль, полученная от продажи русского хлеба, уходила на удовлетворение низменных потребностей представителей паразитирующего сословия – заграничные вояжи и кутежи, игру в казино, купание певичек в шампанском, приобретение заграничной недвижимости и т.п. На удовлетворение же насущных нужд государства и народа расходовалась ничтожная доля хлебной выручки.

§ 3.3. А вот это – из объёмного опуса Павла Краснова «Как жилось крестьянам в царской России» (давно уже болтающегося в интернете и породившего массу клонов): «А куда, интересно, шли доходы от продажи русского хлеба?»

За типичный 1907 год доход от продажи хлеба за рубеж составил 431 миллион рублей. Из них на предметы роскоши для аристократии и помещиков было потрачено 180 миллионов. Ещё 140 миллионов хрустевшие французскими булками русские дворяне оставили за границей – потратили на курортах Баден–Бадена, прокутили во Франции, проиграли в казино, накупили недвижимости в «цивилизованной Европе». На модернизацию России эффективные собственники потратили аж одну шестую дохода (58 миллионов руб.) [12] от продажи зерна, выбитого у голодающих крестьян.

В переводе на русский это означает, что у голодающего крестьянина «эффективные менеджеры» забирали хлеб, вывозили за границу, а полученные за человеческие жизни зо-

лотые рубли пропивали в парижских кабаках и продували в казино. Именно для обеспечения прибылей таких кровососов умирали от голода русские дети.

Вопрос, мог ли царский режим провести необходимую России быструю индустриализацию с такой системой управления, тут даже не имеет смысла ставить – об этом не может быть и речи. Это, по сути, приговор всей общественно–экономической политике царизма, а не только аграрной».

Ссылается Краснов на работу С.А. Нефёдова «О причинах Русской революции» из сборника «Проблемы математической истории» (2009 год).

В целом – очень похоже на Максима Калашникова. Разве что к Парижу добавлены курорты Баден–Бадена... Об «умирающих от голода» русских детях впереди будет ещё отдельный разговор!

Но главная мысль Павла Краснова понятна: почти вся прибыль, полученная от продажи русского хлеба, уходила на удовлетворение низменных потребностей представителей паразитирующего сословия – заграничные вояжи и кутежи, игру в казино, купание певичек в шампанском, приобретение заграничной недвижимости и т.п. На удовлетворение же насущных нужд государства и народа расходовалась ничтожная доля хлебной выручки.

§ 3.4. А вот – отрывок из книги известного публициста, постоянного автора «Советской России» Рустема Вахитова.

Книга новая – 2016 года; издана аккуратно к юбилею Русской революции. Надо сказать, название у книги очень удачное – на 100 % передающее суть содержания: «Революция, которая спасла Россию». Так что дальше можно и не читать...

Но если всё же полистать эту книгу, то труд будет вознаграждён!

Ибо первая же глава – под издевательским названием «Хлебная сверхдержава» – наглядно покажет богатство мысли и оригинальность суждений наших неосоветчиков: «Разумеется, сегодняшние монархисты уверяют, что деньги за вырванный из полуголодной деревни и проданный за границу хлеб и другие сельхозпродукты шли на нужды промышленности, на модернизацию промышленности, закупку новых машин, расширение производства. Отчасти так оно и было. Но только отчасти. За типичный 1907 г. доход от продажи хлеба за рубеж составил 431 миллион рублей. Из них на предметы роскоши для элиты было потрачено 180 миллионов. Ещё 140 миллионов хрустевшие французскими булками русские дворяне оставили за границей – потратили на курортах Баден–Бадена, прокутили во Франции, проиграли в казино, накупили недвижимости в «цивилизованной Европе». На модернизацию России «эффективные собственники начала прошлого века» потратили аж одну шестую дохода (58 миллионов рублей) от продажи зерна, выбитого у полуголодных, а то и голодающих крестьян [5]».

Ссылается Вахитов на работу С.А. Нефёдова «О причи-

нах русской революции».

Итак, здесь вместо «аристократии и помещиков» – «элита». Вместо «эффективных собственников» – «эффективные собственники начала прошлого века». Вместо «голодающих крестьян – «полуголодные, а то и голодающие крестьяне». В остальном – всё то же самое. Смешно и позорно (независимо от того, какой неосоветчик у какого этот текст целиком стянул...).

Но главная мысль Рустема Вахитова понятна: почти вся прибыль, полученная от продажи русского хлеба, уходила на удовлетворение низменных потребностей представителей паразитирующего сословия – заграничные вояжи и кутежи, игру в казино, купание певичек в шампанском, приобретение заграничной недвижимости и т.п. На удовлетворение же насущных нужд государства и народа расходовалась ничтожная доля хлебной выручки.

§ 3.5. А к самому столетию «Великого Октября», в ноябре 2017–го, информационное агентство «Накануне.RU» устроило настоящий шабаш под названием «От «хлебной сверхдержавы» до промышленного гиганта». Вряд ли стоит цитировать отдельно каждого участника этого дружного хора – Андрея Фурсова, Александра Пыжикова, Евгения Спицына, Никиту Данюка, Вячеслава Тетёкина – всё равно поют они в унисон...

Но один момент нельзя не отметить! – уж очень интересно

наблюдать, как расходятся круги по воде: «Историк Сергей Нефёдов в работе «О причинах русской революции» пишет, что в 1907 году доход от продажи хлеба составил 431 млн руб. На предметы роскоши было истрачено 180 млн руб, 140 млн руб. русские дворяне оставили на зарубежных курортах. Ну, а модернизация промышленности (та самая якобы индустриализация) получила только 58 млн руб. (Рустем Вахитов «Революция, которая спасла Россию»)).»

А для пушей наглядности и убедительности те же цифры представлены в виде яркой красивой картинки–графика (с изображёнными на ней несчастным дореволюционным крестьянином и счастливым советским рабочим), под названием «Хлебная сверхдержава», которую мы потеряли (распределение доходов от продажи хлеба в 1907 г., млн руб.)». В графике расходные статьи озаглавлены так: «Предметы роскоши» (180 миллионов рублей), «Зарубежные путешествия» (140 миллионов рублей), «Модернизация промышленности» (58 миллионов рублей), «Прочее» (53 миллиона рублей). В нижнем левом углу уверенная надпись: «Источники: Росстат, открытые источники».

Ага, Росстат, значит!..

Можно, конечно, посмеяться над вопиющим интеллектуальным убожеством наших несоветчиков – над тем, как они носятся с одними и теми же цифрами и фактами, как дурак с писаной торбой... Воруют друг у друга текст целыми абзацами, цитируют цитаторов, словом – занимаются «перекрёст-

ным опылением»... .

Но главная мысль авторов юбилейного материала понятна: почти вся прибыль, полученная от продажи русского хлеба, уходила на удовлетворение низменных потребностей представителей паразитирующего сословия – заграничные вояжи и кутежи, игру в казино, купание певичек в шампанском, приобретение заграничной недвижимости и т.п. На удовлетворение же насущных нужд государства и народа расходовалась ничтожная доля хлебной выручки.

Одним словом, императорская Россия была государством–преступником. Преступником – по отношению к своему собственному народу!

Глава 4

§ 4.1. Всякий внимательный читатель (о людях, знакомых с темой дореволюционного хлебного экспорта, и речь не идёт...) должен был заметить, что все вышеперечисленные авторы – а к ним при желании можно было бы добавить ещё бесчисленное множество неосоветчиков, менее известных, – неспроста приводят в качестве примера данные за один и тот же год. Приводя одни и те же данные об одном и том же дореволюционном годе – 1907–м (который они справедливо называют «типичным») – все авторы ссылаются на один и тот же источник: работу С.А. Нефёдова.

Видимо, доктор исторических наук Сергей Нефёдов не случайно пользуется в их глазах настолько непререкаемым авторитетом, что они находят возможным строить все свои идейные конструкции буквально «на одном гвозде» – процитировав Нефёдова или сославшись на него. О том, почему историк Нефёдов так популярен и «востребован» в неосоветской среде, мы ещё подробно поговорим. А пока – разберёмся со статистическими данными за 1907 год, которые послужили основанием для столь тяжких обвинений в адрес императорской России!..

Сначала – процитируем столь полюбившуюся неосоветчикам работу Сергея Нефёдова «О причинах русской революции»: «Но, может быть, Россия получала от хлебного экс-

порта какие-то другие преимущества? Возьмём для примера данные за 1907 г. В этом году было вывезено хлеба на 431 млн. руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном, для тех же помещиков) на 180 млн. руб. и примерно 140 млн. руб. составили расходы русских за границей – дело в том, что часть русской аристократии практически постоянно жила за границей. Для сравнения, в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн. руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн. руб. (Ежегодник России... 1910: 191 – 193; Покровский 1947: 383). Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта.

Необходимо подчеркнуть, что ситуация в России не была чем-то особенным; в экономической истории много примеров, когда дворянство вывозило из страны хлеб, сужая экологическую нишу своего народа и доводя его до нищеты. Наиболее известный пример такого рода – это так называемое «второе издание крепостничества», когда дворянство балтийских стран под воздействием мирового рынка создавало экспортные хозяйства, фольварки, – и не только отнимало хлеб у своих крестьян, но и низводило их до положения, близкого к рабству. «Зерно, повсюду, где оно служи-

ло предметом широкой экспортной торговли, работало на «феодализацию»... – писал Фернан Бродель (Бродель 1992: 257). В этом смысле русский хлебный экспорт был остатком феодализма, он был основан на феодальном по происхождению крупном землевладении, и на той власти, которую ещё сохраняло русское дворянство».

Вот так вот. То есть возросший хлебный экспорт был не ярким свидетельством экономического роста, развития капиталистических отношений в пореформенной России, а «остатком феодализма». И обеспечивался он экономически – крупном дворянским землевладением, а политически – всевластием дворянства! И эта преступная экономическая политика, проводимая русским дворянством, год от года «сужала экологическую нишу» русского народа!

Тут на память приходит хорошее словечко: геноцид.

Словом, с политическими убеждениями Сергея Нефёдова всё ясно. Но иметь убеждения – это его неотъемлемое право. Для нас сейчас интереснее другое. Как мы видим, собравшись по цеху добросовестно цитируют его работу (разве что позволяют себе порой ещё более резкие формулировки). Но их тоже можно понять! – трудно сдержатъ эмоции, когда читаешь о таких страшных вещах: государство–урод, из года в год обирающее крестьян ради интересов кучки помещиков–паразитов; ради их «сверхпотребления» – увеселений, приобретения предметов роскоши и т.д.

§ 4.2. Осталось выяснить главный вопрос: а насколько добросовестен, в свою очередь, сам Сергей Нефёдов? Помимо всяких убеждений; просто – как профессиональный учёный?..

Откроем «Ежегодник России», просмотрим соответствующие страницы и... ахнем. Мы не увидим в этом справочнике ничего из того, что обнаружил в нём историк Нефёдов!

Да, действительно, в 1907 году «вывоз» (то есть – экспорт) «зерновых хлебов и продуктов из них» принёс России 431 миллион 192 тысячи рублей. И это действительно была самая значительная – хотя и далеко не единственная! – статья русского экспорта, общий объём которого в 1907 году составил 1 миллиард 053 миллиона 011 тысяч рублей.

Общий объём «привоза» (то есть – импорта) в 1907 году составил 847 миллионов 365 тысяч рублей. То есть российский внешнеторговый баланс имел положительное сальдо: экспорт существенно превосходил импорт. Но только никаких «высококачественных потребительских товаров для высших классов (в основном, для тех же помещиков) на 180 млн. руб.» мы там не найдём!

Под первым пунктом идут «жизненные припасы» (то есть – продовольственные товары) на общую сумму 201 миллион 817 тысяч рублей. Больше всего было ввезено чая – на 76 миллионов 578 тысяч. На втором месте рыба и морепродукты – на 31 миллион 121 тысячу рублей. На третьем месте овощи и фрукты – на 20 миллионов 874 тысячи. На четвёр-

том месте «продовольственные полевые и огородные растения и продукты из них» – на 17 миллионов 378 тысяч. Ну и так далее...

Разумеется, никаких «высококачественных товаров» в разделе «продовольствие» не может быть по определению. Обнаружить в этом списке сколь–нибудь значительное присутствие «товаров для помещиков» может только буйно–помешанный – считающий, например, что ни прескверная трава китайская, ни заморское зелие, ни сорочинское пшено подданным Православной Империи не нужны (пусть, мол, едят хлеб и репу и пьют колодезную воду – «от хлеба в воды ещё никто не умирал»).

Хотя... кто его знает?.. Может быть, Нефёдову не понравилось присутствие в списке кофе? Как–никак, в русской деревне он считался напитком барским, помещичьим... Правда, в южных регионах Империи и в городах считали иначе! Ну так его и было ввезено не так много – на 6 миллионов 367 тысяч.

Под вторым пунктом идут «сырые и полуобработанные материалы» (то есть – сырьё и полуфабрикаты) на общую сумму 402 миллиона 905 тысяч рублей. Это, прежде всего, – удовлетворение нужд промышленности и сельского хозяйства. Больше всего было ввезено «волоконистых веществ в сыром виде» – на 149 миллионов 727 тысяч. На втором месте металлы – на 29 миллионов 069 тысяч. На третьем месте каменный уголь – на 26 миллионов 642 тысячи. На четвёртом

месте «каучук и гуттаперча в сыром виде» – на 24 миллиона 976 тысяч. На пятом месте кожи – на 21 миллион 664 тысячи. На шестом месте «химические материалы и продукты» – на 17 миллионов 343 тысячи. И так далее...

Впрочем, в этом списке есть один товар хоть и не «высококачественный», но безусловно «господский»! – «камни драгоценные и полудрагоценные, кораллы и бирюза не в деле, янтарь, агат, перламутр и т.п. предметы роскоши». Однако жительницы густонаселённых, изобильных Малороссии и Новороссии (откуда, к слову, и шёл почти весь хлебный экспорт!..) вряд ли бы с этим согласились: у всякой уважающей себя хохлушки обязательно были «крали» и т.п. Как бы то ни было, всех этих «предметов роскоши» было ввезено очень немного – на 1 миллион 362 тысячи.

Под третьим пунктом идут «животные всякого рода» на общую сумму 5 миллионов 440 тысяч рублей. Тут предназначение товара очевидно: нужды сельского хозяйства. Животные – это уж точно не «высококачественный потребительский товар»! Но может быть, Нефёдов подозревает, что под этим именем в Империю завозились исключительно породистые болонки и левретки для скучающих барынь (или – кровные скаковые жеребцы для их азартных мужей)?.. Увы! – под названием «животные всякого рода» подразумевалась прежде всего прозаическая скотина. Так, на 2 миллиона 122 тысячи было ввезено крупного рогатого скота и на 2 миллиона 115 тысяч – мелкого.

Под четвёртым пунктом идут «изделия фабричные, заводские и ремесленные» (то есть – промышленные товары) на общую сумму 237 миллионов 203 тысячи рублей. Это, опять–таки, – по большей части удовлетворение нужд промышленности и сельского хозяйства. Больше всего было ввезено «машин и аппаратов» – на 69 миллионов 030 тысяч (в том числе сельскохозяйственных машин – на 18 миллионов 380 тысяч). На втором месте «писчебумажный товар» – на 17 миллионов 479 тысяч. На третьем месте шерстяные и полшерстяные изделия – на 12 миллионов 682 тысячи. На четвёртом месте хлопчатобумажные изделия – на 12 миллионов 527 тысяч. На пятом месте железные и стальные изделия – на 11 миллионов 264 тысячи. На шестом месте «разные металлические изделия (кроме драгоценных)» – на 11 миллионов 108 тысяч. И далее по убывающей...

Так что и в этом пункте «высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном, для тех же помещиков) на 180 млн. руб.» спрятаться ну никак не могли!

§ 4.3. Хотя надо признать, что некоторые из промышленных товаров при большом желании можно назвать «товарами для обеспеченных» (хотя, конечно, не только для «высших классов» и «помещиков»).

Например, «часового товара» было ввезено на 3 миллиона 518 тысяч. Спрашивается: зачем труженику часы?! Крестьянин – тот с петухами встаёт (если, конечно, он в этот день ра-

ботаает, а не гуляет...), рабочий – по фабричному гудку. Для них и ходики и карманные часы – ненужная роскошь. Стало быть, «целевая группа» – паразиты–эксплуататоры и их прихлебатели (чиновники, полицейские, военные, врачи).

Или вот «вещей галантерейных и туалетных, игрушек детских (ценных, простых) и проч» ввезли на 5 миллионов 440 тысяч. Крестьянке такие глупости явно ни к чему! – ей за глаза хватит деревянного гребня и домотканого «рушника»... Да и дети тружеников прекрасно обойдутся без покупных игрушек (даже «простых»!) – достаточно почитать Толстого: «У Груши не было куклы, она взяла сена, свила из сена жгут, и это была её кукла; звала она её Маша». Выходит, ввозилось это всё для представителей привилегированных сословий (ну... и ещё тех падших созданий, что удовлетворяли их низменные потребности).

То же самое можно сказать и о музыкальных инструментах – коих было ввезено на 5 миллионов 209 тысяч. В деревне кривой пастух Микитка и на самодельном рожке неплохо играет!.. А от этих покупных немецких «гармоний» – один разврат... Так что трудящимся это не нужно. Кто остаётся? – правильно: помещики! Вот им скрипки и рояли нужны, для балов и музыкальных вечеров (да ещё – российским музыкантам и композиторам Серебряного века, обслуживающим их вкусы).

Об экипажах нечего и говорить! – а ведь их было ввезено на 4 миллиона 119 тысяч. Кому они нужны, кроме поме-

щиков (друг к другу в гости ездить)?.. Правда, изрядную долю этого «импортного автопрома» составляли велосипеды и запчасти к велосипедам (на 1 миллион 389 тысяч); ну да рабочему человеку велосипед тоже ни к чему...

А книги и картины, которых ввезли на 2 миллиона 265 тысяч?..

Зачем аграрной стране иностранные книги?! Как говорил Илья Ильич Обломов: «Грамотность вредна мужику: выучи его, так он, пожалуй, и пахать не станет...». И то же самое можно с полным основанием отнести к русскому инженеру, студенту, учителю, врачу, юристу, военному! Какая может быть в стране модернизация, если люди будут отвлекаться на чтение? Или как сказал другой умный человек: «Уж коли зло пресечь: забрать все книги бы да сжечь».

А если серьёзно, то единственный промышленный товар, который был явно рассчитан на людей... так скажем... не бедных – это «золотые, серебряные и платиновые изделия»; которых, впрочем, было ввезено на весьма скромную сумму в 2 миллиона 817 тысяч.

Одним словом, никаких таких «высококачественных потребительских товаров для высших классов, в основном, для помещиков», – да ещё на 180 миллионов рублей! – в Россию в 1907 году не ввозилось. И никаких оснований для столь фантастических утверждений в справочнике, на который Нефёдов ссылается (да ещё с указанием страниц!), не имеется. Точно так же не содержится там сведений о том, что

«примерно 140 млн. руб. составили расходы русских за границей». Львиная доля денежных средств, приобретаемых на внешнем рынке, тратилась на насущные потребности народа и государства – сырьё для промышленности, продовольственные товары, «ширпотреб», производственную и сельскохозяйственную технику.

Так что, как видим, все заявления наших неосоветчиков о «180 миллионах, потраченных на предметы роскоши», и «140 миллионах, потраченных на зарубежные путешествия», имеют под собой одно–единственное основание: беззастенчивую ложь бессовестного человека.

Глава 5

§ 5.1. А каким образом царской России удавалось из года в год удерживать лидирующие позиции в мировой хлеботорговле? Какой ценой достигались эти показатели?..

Неосоветчики утверждают – и это является *самым* главным пунктом их обвинения в адрес Российской Империи! – будто цена эта (даже независимо от того, на что тратились вырученные средства...) была ужасна. Оказывается, Империя продавала за рубеж хлеб, отнятый у своих голодающих крестьян! Оказывается, расплатой за массированный вывоз зерновых был постоянный голод в самой России! Отсюда – расхожие выражения: «голодный экспорт», «голодный вывоз».

Понятно, что говорят и пишут об этом неосоветчики не просто так.

Как уже было сказано, актуализировать проблему «голода в царской России» их заставляет горькая нужда: позорный крах советской системы, разоблачение её преступной сущности, поток информации о её бесчисленных злодеяниях... После столь жуткой правды (хоть неосоветчики и пытаются всячески преуменьшить масштаб геноцида русского народа, развязанного коммунистами в первые десятилетия Советской власти) – придерживаться прежней, «застойной» тоналности, говоря о царской России, им уже недостаточно!

Ибо про выбивание продотрядами хлеба у голодных крестьян, про продажу Сталиным зерна за границу в разгар лютого доедского голода в собственной стране; про «очистку» городов от побирающихся беспаспортных колхозников, бежавших от голодной смерти, про трупы умерших от голода, валявшиеся вдоль дорог; про жирующих номенклатурщиков и «завмагов» блокадного Ленинграда слышали все. Одних попыток «опровержения» этих общеизвестных фактов будет явно мало (ведь всем лапшу на уши не повесишь). Что остаётся? – постараться перебить эту жуткую правду новой информацией (только уже ложной)! – о временах более отдалённых...

То-то Максим Калашников в работе «О жизни в царской Расее – 1» мнимо сокрушается, что, мол, увы и ах, но лавры дореволюционной России на поверку оказываются зелены: «К нашему великому сожалению, миф о благодатной царской России, что служила житницей всего Запада и едва зерном Европу не засыпала, действительности не соответствует. Вывозить-то вывозили – причём даже меньше, чем сейчас (РФ вывозит 10–12 миллионов тонн в год, царская Россия – ежегодно в среднем 9,9 млн. тонн в 1901–1910 гг.) – но при этом часть страны регулярно голодала и подыхала от бескормицы. И именно это торило дорожку к распаду России уже в начале XX столетия.

Лозунг «Не доедем, но вывезем» принадлежит министру финансов Александра Третьего, математику Вышнеградско-

му. Как вы понимаете, он сие не для красного словца ляпнул: действительно, голодали – но вывозили. Причём вышнеградские всегда ели досыта, обрекая на голодуху русский народ. Главное – вывезти и получить валюту».

И вот ещё: «Таким образом, читатель, перед вами – обвинительное заключение. Русская дворянско–чиновная и буржуазная «элита» действительно жила по принципу: «Пусть Россия недоедает – но мы будем вывозить на экспорт всё больше и больше зерна». Вместо того чтобы кормить народ и производить, скажем, то же мясо, эти сволочи гнали хлеб за рубеж. Естественно, хлеб в основном вывозили с богатого Юга, гораздо меньше – из Поволжья. (Здесь не учтён сибирский хлеб, но его было не очень много, да и везти его даже по железной дороге – накладно.) То есть на душу населения в старой России оставалось не более 350 килограммов зерна в год. Страна всё время балансировала на грани голода. Каковой в царское время периодически поражал массивы губерний. С. Нефёдов доказывает, что ограничение вывоза зерна из страны и доведение среднедушевого потребления до 24–25 пудов могло бы обеспечить стабильность России и не допустить революции. Но верхи Российской империи, окончательно превратившиеся в низшую расу, в алчных и коррумпированных приматов, на такое не пошли. Им хотелось денег. Любой ценой».

Мороз по коже! Прямо как о вурдалаках каких–то: им хотелось крови...

§ 5.2. То–то Игорь Пыхалов в работе «Кормила ли Россия пол–Европы?», говоря о своих оппонентах (тех, кто склонен гордиться масштабом российского хлебного экспорта), имитирует праведный гнев: «Поневоле хочется воскликнуть, наплевав на условности: «Чему радуешься, дурак? Тому, что Россия снабжала Европу задарма своим хлебом?» Ради чего терпели лишения русские крестьяне, ради чего голодали русские дети? Чтобы, не дай бог, западный обыватель не переплатил лишний пенс или пфенинг (так у Пыхалова) за буханку? Достойная цель, ничего не скажешь!»

То–то Павел Краснов в работе «Как жилось крестьянам в царской России» бьётся в пене, как ведьмак на шабаше: «Миллионы отчаявшихся людей выходили на дороги, бежали в города, доходя даже до столиц. Обезумевшие от голода люди попрошайничали и воровали. Вдоль дорог лежали трупы погибших от голода. Чтобы предотвратить это гигантское бегство отчаявшихся людей, в голодающие деревни вводили войска и казаков, которые не давали крестьянам покинуть деревню. Часто не выпускали вообще, обычно разрешали покидать деревню только тем, у кого был паспорт. Паспорт выдавался на определённый срок местными властями, без него крестьянин считался бродягой, и паспорт был далеко не у всех. Человек без паспорта считался бродягой, подвергался телесным наказаниям, тюремному заключению и высылке.

Интересно, что любители порассуждать о том, как боль-

шевики не выпускали людей из деревень во время «голодомора», скажут про это?

Об этой страшной, но обыденной картине «России–которую–мы–потеряли» сейчас старательно забывают.

Поток голодающих был таким, что полиция и казаки не могли его удержать. Для спасения ситуации в 90–х годах 19 века стали применяться продовольственные ссуды – но крестьянин обязан был отдать их с урожая осенью. Если он не отдавал ссуду, то её по принципу круговой поруки «вешали» на деревенскую общину, а дальше как получится – могли разорить подчистую, забрав всё как недоимки, могли собрать «всем миром» и отдать долг, могли молить местные власти простить ссуду.

Сейчас мало кто знает, что для того, чтобы получить хлеб, царское правительство принимало жёсткие конфискационные меры – экстренно увеличивало налоги в определённых районах, взыскивало недоимки, а то и просто изымало излишки силовым путём – полицейскими урядниками с отрядами казаков, ОМОНам тех лет. Основная тягота этих конфискационных мер ложилась на бедные слои населения. Сельские богачи обычно откупались взятками.

Крестьяне массово укрывали хлеб. Их пороли, мучали, выбивали хлеб любыми путями. С одной стороны это было жестоко и несправедливо, с другой, помогало спасти от голодной смерти их соседей. Жестокость и несправедливость были в том, что хлеб в государстве был, пусть и в небольшом

количестве, но он шёл на экспорт, а с экспорта жировал узкий круг «эффективных собственников».

И вот ещё: «Кстати, а откуда хлеб на ссуды в голод? Дело в том, что хлеб в государстве был, но его в огромных количествах вывозили за рубеж на продажу. Картина была омерзительной и сюрреалистической. Американские благотворительные общества посылали в голодающие районы России хлеб. Но вывоз хлеба, отобранного у голодающих крестьян, не останавливался.

Людоедское выражение «Недоедим, но вывезем» принадлежит министру финансов правительства Александра Третьего, Вышнеградскому, кстати, крупному математику. Когда директор департамента неокладных сборов А.С. Еромолов вручил Вышнеградскому докладную записку, в которой писал о «страшном признаке голода», то интеллигентный математик тогда в ответ и заявил. Причём повторял потом не раз.

Естественно, получалось так, что недоедали одни, а вывозили и получали золото от экспорта – совсем другие. Голод при Александре Третьем стал совершенной обыденностью, ситуация стала заметно хуже, чем при его отце – «царе–освободителе». Зато Россия стала интенсивно вывозить хлеб, которого не хватало своим крестьянам.

Это так и называли, ничуть не стесняясь – «голодный экспорт». В смысле, голодный для крестьян. Причём придумала всё это вовсе не большевистская пропаганда. Это была

страшная реальность царской России».

И ещё: «Хлебные монополисты отлично осознавали, что их действия приводят к страшному голоду и гибели сотен тысяч людей. Им было на это плевать. Помощь правительства была периодической и совершенно недостаточной. Царское правительство раздражали такие мелочи, как постоянный голод, отвлекающие от балов и шампанского».

И вот: «При среднем потреблении, близком к минимальной норме, в силу статистического разброса потребление половины населения оказывается меньше среднего и меньше нормы. И хотя по объёмам производства страна была более–менее обеспечена хлебом, политика форсирования вывоза приводила к тому, что среднее потребление балансировало на уровне голодного минимума и примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания...» [12]».

Цитирует Краснов работу С.А. Нефёдова «О причинах Русской революции» из сборника «Проблемы математической истории» (2009 год).

Или вот ещё: «Кстати, десятки кур у русских крестьян появились только после Октябрьской Революции и Коллективизации. До этого кормить кур зерном, которого не хватает твоим детям, было слишком экстравагантно. Поэтому все исследователи и современники говорят одно и то же – русские крестьяне были вынуждены набивать живот всякой дрянью – отрубями, лебедой, желудями, корой, даже опилками,

чтобы муки голода были не так мучительны. По сути, это было не земледельческое, а общество, занимающееся земледелием и собирательством. Примерно как в не самых развитых обществах бронзового века».

Или вот: «Причина постоянного голода была в общественно-экономическом устройстве царской России, без смены общественно-экономического устройства и способа управления задача избавления от голода была неразрешима. Алчная свора во главе страны продолжала свой "голодный экспорт", набивая карманы золотом за счёт умерших от голода русских детей, и блокировала любые попытки изменить ситуацию. В экспорте зерна были заинтересованы высшая элита страны и мощнейшее помещичье лобби из потомственных дворян, окончательно выродившихся к началу 20 века. Их мало интересовало индустриальное развитие и технический прогресс. Лично им для роскошной жизни вполне хватало золота от хлебного экспорта и продажи ресурсов страны».

§ 5.3. Но может быть, хватит?! И так уже ясно, что даже если мы – ради экономии места – сознательно ограничимся одними и теми же работами одних и тех же авторов, то сотрясаться в приступах смеха можно сколь угодно долго.

Вот, разве что, – на десерт – работа ещё одного плодови того интернет-сумасшедшего (из жалости не будем указывать имя-фамилию), называется «Сельское хозяйство в России в 1913 году». Она содержит поистине феерический эпи-

зод: «Торговля хлебом в царской России была вынужденной мерой, и велась вовсе не из-за избытка его, а из-за недостатка финансов. Ведущие страны Европы – Англия, Франция, Германия и Италия – хлеб закупали, в том числе и в голодной России. Царский министр Вышнеградский, отвечая на обвинения в продаже хлеба за границу даже во времена голода в России, сказал с трибуны Государственной Думы: "Недоедим, а вывезем!" Этот лозунг претворялся в жизнь».

Так-то вот... Даром что Вышнеградский умер 25 марта 1895 года, а первое заседание Государственной Думы состоялось 27 апреля 1906-го, через одиннадцать лет после его смерти.

Но какой полёт фантазии у людей! Начиная с мелочей (вроде слов, приписываемых министру финансов Вышнеградскому, – которые он сказал не то Ермолову, не то Витте, не то Шванебаху, не то депутатам Государственной Думы на спиритическом сеансе) и заканчивая апокалиптическими картинками «ужасов царской России» (явно сочинёнными по образцу советских реалий!). Особенно богатое воображение у Краснова: что ни сцена – сплошная фантастика. Можно быть уверенным, что подобный бред ни за что не издали бы даже при Советской власти. Только современный безграмотный, лишённый всякого чувства реальности интернет-пользователь (желательно – тинэйджер) может потреблять такой продукт, не поморщившись...

Вряд ли имеет смысл тратить время на прояснение вто-

ростепенных деталей и опровержение совсем уж неправдоподобных выдумок, к которым может отнестись с доверием лишь безголово невежественный человек. Интересно другое: посреди страстных обличений «коррупцированных приматов» и красочных описаний «подыхающей от бескормицы» царской России опять раз за разом попадаетея имя Сергея Нефёдова. И в этом вопросе главным аргументом леваков (наряду с набившими оскомину цитатами из Толстого и Энгельгардта) являются расчёты и выводы историка Нефёдова!

То есть и в самом главном вопросе – вопросе достаточности производимого хлеба для самой России и обоснованности дореволюционного хлебного вывоза – современные неосоветчики предпочитают ссылаться именно на его авторитет.

Что ж, экономические выкладки – корень всего! «Ангажированных» свидетельств очевидцев можно надёргать сколько угодно (и в пользу чего угодно...). Надо попытаться разобраться с ключевыми вопросами: сборы зерновых в дореволюционной России, объём хлебного экспорта, собственная потребность в зерне и взаимоотношение этих показателей.

Проблема одна: не оказались бы (в очередной раз) «ангажированными» экономические выкладки признанного авторитета!

Глава 6

§ 6.1. К сожалению, в исторической науке нередки ситуации, когда любые усилия современных исследователей, направленные на выяснение неких обстоятельств, уже не способны дать точный и однозначный ответ на интересующие вопросы. Не из-за чьей-то недостаточной научной добросовестности (или недостаточно изощрённых методов исследования), а в силу объективных причин: недостаточности или недостоверности дошедших до нас сведений.

В этой ситуации приходится смириться с известной неточностью и приблизительностью наших знаний. Остаётся одно: при помощи имеющихся в нашем распоряжении методов «подобраться как можно ближе» к интересующему нас историческому факту – не претендуя на абсолютное знание (всех обстоятельств придворной интриги или всех подробностей тайных дипломатических переговоров; точных количественных характеристик некоего явления или точной даты события).

Напротив, явным проявлением научной недобросовестности была бы попытка, оперируя заведомо приблизительными показателями и «аморфными» величинами, вывести некую точную цифришь, на которой и построить свою концепцию! Такая историческая недобросовестность обычно объясняется политическим заказом или, скажем мягче, идеоло-

гической предвзятостью, «предрешенчеством»...

Только после такого предисловия можно переходить к проблеме урожайной статистики царской России.

Дело в том, что статистический учёт в Российской Империи находился в зачаточном состоянии. И если одни показатели учитывались достаточно полно и придирчиво, то другие – не учитывались вовсе или же учитывались крайне необъективно. Для наглядности можно привести ситуацию с демографической статистикой. Казалось бы, «численность постоянного населения» должна быть величиной, известной руководству Империи достаточно точно. Но даже с этими данными происходила презренная путаница.

Так, по данным Центрального статистического комитета МВД (ЦСК МВД – основной источник статистических сведений о дореволюционной России), к началу 1914 года численность населения Российской Империи (без Финляндии) составляла 175 миллионов 137,8 тысяч человек. А вот по данным Управления Главного врачебного инспектора МВД, к началу 1914 года население Российской Империи (без Финляндии) составляло 174 миллиона 074,9 тысячи человек – то есть на 1 миллион 063 тысячи человек меньше, чем по данным ЦСК.

Однако, составляя «Отчёт о состоянии народного здоровья и врачебной помощи в России за 1913 год», специалисты Управления Главного врачебного инспектора признали эти цифры явно завышенными и определили численность насе-

ления Империи в 166 миллионов 650 тысяч человек – то есть почти на 8 миллионов 488 тысяч меньше, чем по данным ЦСК! Правда, в «Отчёте» речь шла о численности населения на середину 1913 года (учитывая тогдашний быстрый рост населения, это позволяет хотя бы немного «примирить» эти показатели).

Такая неразбериха объясняется прежде всего тем, что ЦСК МВД при расчётах суммировал данные статистических комитетов на местах, не учитывая (с середины 1900–х годов – пытаясь учитывать, но не в недостаточной мере...) процессы перманентно ширившейся внутренней миграции. Это приводило к неоднократному учёту одних и тех же лиц. Но и разлёт данных УГВИ МВД огромен; что не позволяет относиться к его сведениям (даже «уточнённым») с полным доверием.

В качестве частичного оправдания сотрудников имперского ЦСК можно сказать только то, что и после революции дела с планированием и учётом (несмотря на тотальное огосударствление и «зарезимливание») обстояли... не ахти. Вот уж что металось, как стрелка осциллографа, – так это численность населения Страны Советов!

Так, Сталин официально озвучил численность населения СССР (по состоянию на конец 1933 года) в 168 миллионов человек, а Всесоюзная перепись 1937 года насчитала всего–навсего 162 миллиона. Зато Всесоюзная перепись 1939–го – 170 миллионов! В марте 1939 года, выступая на XVIII

съезде ВКП(б), Сталин изволил разнести своих статистиков и экономистов: «Впрочем, эти товарищи ударялись в фантастику не только в области производства чугуна. Они считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составить три–четыре миллиона человек или даже больше этого. Это тоже была фантастика, если не хуже».

Ну а поскольку товарищ Сталин и впрямь считал, что «хуже», то он последовательно расстрелял аж четырёх руководителей своего главного статистического ведомства (ЦСУ/ЦУНХУ) – Кравая, Милютин, Верменичева и Осинского! О жертвах Великой Отечественной войны не хочется и говорить: сталинские «около семи миллионов человек», хрущёвские «два десятка миллионов жизней», брежневские «свыше двадцати миллионов человек», горбачёвские «почти двадцать семь миллионов жизней» и т.д. Но это к слову.

Как бы то ни было, разница между минимальной и максимальной оценкой численности населения Российской Империи в восемь с половиной миллионов человек – это тоже очень и очень много. Понятно, какой простор для последующих спекуляций и суемудрых толкований дают эти (уже невосполнимые) пробелы в дореволюционной статистике. Особенно – в руках недобросовестных исследователей!

Особенно сейчас – когда подавляющее большинство россиян, услышав про ЦСК МВД, скажет, что ЦСКА – это у

Минобороны, а у МВД – «Динамо»...

§ 6.2. Тот же ЦСК МВД с 1880–х годов собирал и обобщал сведения о таких сложных, очень сильно варьирующихся от года к году показателях как площадь посевов, урожайность, величина валовых сборов. Естественно, об особой точности подсчётов в данном случае говорить не приходится. Поэтому все те официальные цифры «российского урожая зерновых», которыми оперируют как критики, так и поклонники Российской Империи, – весьма условны!

Достаточно точно подсчитывался объём ежегодного хлебного экспорта – то есть количество того зерна, которое было транспортировано, продано и куплено на внешнем рынке, перевезено через таможенную границу; за которое иностранный покупатель заплатил деньги... А вот что касается общего количества зерна, которое было выращено на просторах Российской Империи (по всем российским нивам и полям, миллионами самостоятельных сельских хозяев), – этого в точности не знал никто. Ни ЦСК МВД – главное статистическое ведомство Империи, ни земства (там, где они уже были!), ни министерство земледелия (которое вообще опиралось, в основном, на цифры ЦСК и земств).

Тут надо иметь в виду, что именно ЦСК МВД был «ключевым» учреждением в вопросах урожайной статистики. Он собирал статистические данные по всей территории страны на протяжении нескольких десятилетий. Поэтому и ру-

ководству Российской Империи и позднейшим исследователям поневоле приходилось опираться именно на его сведения, при всей их – порой – сомнительности.

Один из основных пороков учётной системы заключался в том, что урожайная статистика писалась буквально «со слов» – на основании сведений, предоставляемых самими земельными собственниками. ЦСК МВД рассылал в волостные правления и землевладельцам опросные листки и на основании полученных сведений выводил общие цифры: посевные площади тех или иных сельскохозяйственных культур, высота урожайности, величина валовых и чистых сборов.

Понятно, что всякий крестьянин стремился – «от греха подальше» – как можно больше занижить и площадь посевов и (тем более! – ибо это уже практически невозможно проверить...) урожайность. Любой частный предприниматель старается преувеличивать размер своих расходов и преуменьшать размер доходов. Не надо быть налоговым инспектором для того, чтобы понимать это...

Доктор исторических наук Михаил Давыдов, давно специализирующийся на экономических аспектах дореволюционной российской истории, в своей книге «Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика» приводит красноречивую зарисовку с натуры (наглядно показывающую степень достоверности таких «статистических опросов»): «Скажи–ка вот что, Ромейко», – гово-

рит сперва счётчик, обращаясь к какому–нибудь хуторянину. Затем следует значительная пауза, а потом уже задаётся сам вопрос вроде того, например: «Сколько ты высеял пудов ржи в прошлом году?». После этого становится заметным, что лицо крестьянина начинает изменяться, делаться серьёзнее, глаза смотрят как–то более осмысленно. Думаешь, что вот уже «Ромейко» расскажет тебе всё с мельчайшими подробностями. Не тут–то было. «Ромейко» обыкновенно отвечает, что пудами он, видите ли, никогда не сеял. И в этом случае оказывалась доля хитрости крестьянина. Он нарочно не отвечает сразу, чтобы выгадать немного времени, дабы успеть обдумать, на сколько следует уменьшить количество засеваемого зерна. На новый вопрос счётчика: «Сколько же посеял осьмин?» – крестьянин начинает считать вполголо-са: «Пять, шесть, семь...» и вдруг вслух объявляет: «Пять»; на вопрос «Сколько же ты сеял в деревне ржи?» начинается опять подсчитывание полос, причём на каждую полосу высеивается определённая мера: то плетух, то лукошко, в некоторых случаях дело доходит до дедовской шапки».

Да ведь и всякий человек (даже не занимающийся частным предпринимательством) склонен занижать размер своих доходов! Интересно, что получилось бы, если б сегодня Росстат решил определить размер среднедушевого дохода в Российской Федерации на основании опросов граждан?.. Наверняка выяснилось бы, что всё население России должно было уже вымереть от голода.

В этом отношении психология людей за сто лет не сильно изменилась. Русский дореволюционный крестьянин, будучи типичным «индивидуальным предпринимателем», точно так же стремился преуменьшать размеры своего основного дохода (то есть, в его случае, – собираемого урожая). У него был свой резон. А вдруг, увидев его «процветание», власть возьмёт да увеличит размер податей?.. Тем более что Империя периодически прощала крестьянам недоимки по платежам, ссуды, выданные в неурожайные годы; в конце концов окончательно отменила выплату выкупных платежей. А ну как, увидев относительное благополучие, в следующий раз возьмёт да и не простит? Да ещё и старое отдать заставит?..

Так что лучше уж приврать, «прибедниться». Так спокойнее. Тем более что никаких продотрядов с щупами царская власть в деревню не посылала; «счётчики» по подполам и чердакам не рыскали, зерно в амбаре не перемеривали... Никакая реальная кара крестьянам за предоставление неверных сведений не грозила. Поэтому те цифры, которые называли сельские хозяева, всегда были заниженными.

Особый случай: годы неурожая. Тут уж, как говорится, «не судите – да не судимы будете»; всякий, наверно, приврёт! – дабы иметь больше шансов на получение продовольственной помощи. Тот же Лев Толстой в знаменитых статьях о голоде приводил примеры (когда трагичные, а когда и комические...) преувеличения крестьянами своих несчастий: от отсутствия пищи для пропитания до тяжести претерпен-

ных ими побоев.

Осуждать никого не будем, но не будем забывать о том, что совокупность всех этих цифр, называемых крестьянами, – порой, что называется, «ниже низшего предела» – становилась основой для расчётов ЦСК (что влекло за собой существенные искажения общеимперской статистики).

Характерно, что с самим этим фактом – занижением крестьянами урожайных данных – практически никто из исследователей не спорит. Разногласия касаются вопроса: когда больше врал? – у случае недорода или, наоборот, высокого урожая?..

§ 6.3. Впрочем, может быть, кому–то все эти доводы покажутся недостаточно убедительными – для того, чтобы объявить цифры официальной хлебной статистики недостоверными (а именно – ниже реальных)?.. Что ж, для таких скептиков есть ещё несколько аргументов...

Вот например, известная статья «О русском крестьянстве» такого признанного знатока русского народа как Максим Горький. О русском крестьянине классик пролетарской литературы отзывается следующим образом: «Но где же – наконец – тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века?

В юности моей я усиленно искал такого человека по де-

ревням России и – не нашёл его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком».

«О правде он не очень высокого мнения: «Правдой сыт не будешь». «Что в том, что ложь, коли сыто живёшь». «Правдивый, как дурак, так же вреден».

Конечно, прежде всего автор скандальной статьи злобил-ся на поведение русского крестьянина в годы Гражданской войны; но основная мысль Горького в том и состоит, что русский крестьянин был таким всегда – и до революции и после. И как должен был вести себя при общении с «счётчиком» такой подловатый хитрец, умело прикидывающийся простаком (сочинивший, к тому же, бесчисленное множество пословиц и поговорок о вреде откровенности и о пользе обмана), – неужто он вываливал ему всю правду?!..

Разумеется, и это можно назвать «дешёвой публицистикой» и «рассуждениями о народной душе». Зато другой аргумент куда «поматериальней» будет!

Зимой 1718–1719 года Пётр Первый, отчаянно нуждающийся в деньгах и разгневанный бесчисленными плутнями подданных и злоупотреблениями чиновников при проведении предыдущих подворных переписей (разборка изб или окружение одним плетнём трёх–четырёх дворов; двойная перепись одной деревни наряду с пропуском другой...), решает провести подушную перепись населения, с последующей её проверкой, – знаменитая Первая ревизия. Интересу-

ющие его сведения Пётр собирал со свойственной ему бескомпромиссностью. Так, в Указе от 26 ноября 1718 года было сказано: «А буде кто, как переписчик, так и офицер, сей своей должности и указу пренебрегут, казнены будут смертию».

В Указе от 22 января 1719 года (детализирующем порядок проведения переписи) всем подданным и должностным лицам несколько раз напоминает о необходимости крайне серьёзного отношения к отчётности: «А ежели от кого из них явится какая в душах утайка, и за то б учинить прикащикам, старостам и выборным людям, всем смертную казнь без всякой пощады...». «А при объявлении сиих указов о переписи и сказках, велеть всякого чина людям объявлять, что те все вышеобъявленные в сем указе казни и штрафы над теми, кто дерзнёт какую утайку учинить, учинены будут без всякой пощады. И о том послать из Сената к Губернаторам указы, чтоб они по сему Его Царского Величества Именному указу исправляли как наилучше со всяким прилежанием, под жестоким Его Государевым гневом и разорением...».

Дело, конечно, не только в угрозах и brutальных выражениях, а прежде всего в том, что у Петра Первого слова редко расходились с делом. Он установил в России поистине тоталитарный режим, правил террористическими методами и внушал подданным трепет.

Ну и что в итоге?

Данные поступали крайне медленно и были недостовер-

ны. Согласно «сказкам», присланным к концу 1719 года (то есть к окончанию указанного срока переписи!), насчитали лишь 3,8 миллиона податных душ. Пётр этим данным не поверил. К 1722 году насчитали 4,9 миллиона. Пётр опять не поверил и велел перепроверять. В 1724 году (когда была введена подушная подать) официально числилось около 5,6 миллиона податных душ. Но и эти данные были не полны. Заканчивали ревизию уже при преемниках Петра. В России оказалось примерно 6 миллионов душ податного населения.

Это при том что в конце царствования Петра Первого население если и росло, то незначительно. При том что скрыть наличие податной души сложнее, чем несколько преуменьшить размер собираемого урожая! Но люди хитрили и обманывали – несмотря на реально грозящие им кары (хотя, с другой стороны, и вопрос был – «кровный»...).

Что же говорить о кратком царствовании Николая Второго? Данные, получаемые от земледельцев в ходе заполнения опросных листов (когда их не заполнял сам волостной писарь, беря их «труд» на себя), порой были действительно «сказками». И в какую сторону крестьянин «привирал», рассказывая эти сказки, гадать не надо.

§ 6.4. Да, но как же сказывался этот обман «в макро–масштабе»? Насколько заниженными оказывались в итоге данные региональной и общеимперской статистики?

На этот вопрос, к сожалению, нельзя ответить однознач-

но. Высчитать какой-то точный процент, который можно будет автоматически прибавлять к официальным данным ЦСК, чтобы в результате получать реальные цифры посева, урожайности, валового и чистого сбора на каждый год, невозможно. Ведь «размер утайки» наверняка варьировался – в разные годы (урожайные и неурожайные); в разных губерниях, уездах и волостях; при разных (более или менее придирчивых) «счётчиках». А самое главное – у разных (более или менее «хитрых») хозяев!

Это как раз тот случай, когда уместно вспомнить крылатое выражение, которое Марк Твен приписывал Дизраэли: «Существует три степени лжи: ложь, наглая ложь и статистика».

Конечно, исследователи (историки, экономисты, специалисты в области сельского хозяйства) пытались вычислить и обосновать некий определённый процент – чтобы потом вносить поправки к официальным статистическим данным в своих работах. Так, в предреволюционные годы у разных авторов фигурировал разный «коэффициент недоучёта»: и 5, и 7 %. И это ещё были достаточно осторожные допущения!..

Само собой, находились и другие авторы – которые утверждали, будто данные ЦСК действительно неверны; только не занижены, а... завышены. Но подобные утверждения исходили, в основном, из левого лагеря (а представители этого лагеря всегда были готовы сочинить любую страшилку-небылицу; не говоря уж о векторе поправок в экономи-

ческих расчётах...). Интересно, что в ЦСУ СССР в 20-е годы при оценке хлебной статистики Российской Империи использовали коэффициент недоучёта в 19 %. О том, насколько была оправдана такая значительная поправка, можно спорить.

И есть ещё третий аргумент в пользу версии об использовании ЦСК МВД заниженных данных – правда, именно он-то и обесмысливает любые попытки вычислить точный поправочный коэффициент; да тем более определять его не в 10 или 20, а в 19 %.

Дело в том, что какая-то часть товарного зерна всегда куда-то вывозится (а не потребляется в той же местности, где оно было произведено). Это касается не только экспортного зерна, но любого продажного зерна – которое не потребляют те, кто его непосредственно вырастил.

В полной мере это относилось и к царской России. Хоть Российская Империя и была по преимуществу аграрной страной, с значительным преобладанием крестьянского населения (около 85 %; если включить в это число всех казаков и «иностранцев»...), разные её территории были в неодинаковой степени обеспечены собственным хлебом. Так, в Европейской России начала 20-го века обычно насчитывают 34 «ввозящие» губернии, 20 «вывозящих» и 10 условно «самодостаточных».

При этом транспортная статистика – подобно статистике внешнеторговой – в силу понятных причин оперировала

несколько более объективными показателями, нежели данные опросов какого–нибудь безграмотного, но хитрого «Ромейки», на которые приходилось полагаться урожайной статистике. Хотя, разумеется, и транспортная статистика имела очень большие изъяны!.. Так вот цифры транспортной статистики порой оказываются в вопиющем противоречии с цифрами урожайной статистики. В иные годы из той или иной губернии того или иного зерна могло быть вывезено в 1,5, 2 и даже 2,8 раза больше, нежели его там было (официально) произведено.

§ 6.5. Можно – ради мысленного эксперимента – согласиться с наиболее буйными неосоветчиками и допустить на мгновение реальность тех сцен насилия и садизма, которые (согласно их работам) разыгрывались повсеместно в России Николая Второго! Врывающиеся в деревни полицейские урядники во главе отряда «казаков–омоновцев», запоротые насмерть крестьяне, пылающие избы, выбранный до последнего зёрнышка хлеб...

Но даже действуя подобным образом можно «выбить» из губернии лишь 100 % собранного зерна! Притом – только один раз. Ибо уже к следующему году та губерния обезлюдет (потому что жители разбегутся или вымрут от голода), и с неё отныне не удастся взять ничего – она зарастёт сорными травами и станет приютом волкам. Но ни 150, ни 200, ни 280 % нельзя вывезти в принципе! – это противоречит законам

материального мира.

Объяснения в духе того, что, мол, у крестьян отбирали зерно не только нового урожая, но и предыдущего, не принимаются! О том, что с конца 19-го века зерно перестало сберегаться самими крестьянами «впрок» (в скирдах, в одоньях...), а стало сразу же полностью выбрасываться ими на рынок, криком кричали дореволюционные оппозиционеры, скорбя об утрате крестьянством такой «подушки безопасности» и именно в этом видя одну из главных причин голода в неурожайные годы.

Да и не только дореволюционные: «Хлебных резервов на случай неурожая не было – весь избыточный хлеб выметался и продавался за рубеж алчными хлебными монополистами. Поэтому в случае недорода немедленно возникал голод» (Павел Краснов «Как жилось крестьянам в царской России»).

§ 6.6. Всё это, конечно, забавно, но годится разве что в полемике с красновыми (чьё видение ситуации совершенно фантастично...). Понятно, что более образованные неосоветчики – из числа историков–академистов – находят этим статистическим нестыковкам более изысканные объяснения.

Сергей Нефёдов объясняет статистические расхождения тем, что–де в Российской Империи на протяжении календарного года перевозилось зерно не текущего, а прошлогоднего сбора (что, с учётом высокой колеблемости российских уро-

жаев, и приводило порой к таким мнимым парадоксам). Это обстоятельство он считает едва ли не единственной причиной статистических нестыковок.

Так, в работе 2010 года «Россия в плену виртуальной реальности» (опубликованной в рамках научной дискуссии «О причинах русской революции») Нефёдов писал: «Главным аргументом М.А. Давыдова против статистики ЦСК являются сведения о вывозе хлебов из некоторых губерний, который в отдельные неурожайные годы оказывался больше, чем собранный в губерниях урожай. Например, в Оренбургской губернии в 1910 г. при урожае в 53,9 млн пудов пшеницы было вывезено 11,7 млн пудов, а в 1911 году при урожае в 5,0 млн пудов было вывезено 7,4 млн пудов (Давыдов 2003а : 67). Это «недоразумение», однако, легко объяснить тем, что до сентября 1911 года (а возможно, и позже) вывозился хлеб предыдущего урожая, который был исключительно обильным».

Тут, прежде всего, обращает на себя внимание уже огромная разница в объёмах сборов – даже без сопоставления с цифрами вывоза – почти одиннадцатикратная!.. Хотя надо иметь в виду, что Оренбургская губерния в 1911 году оказалась в самом очаге неурожая (из-за жестокой засухи), так что – всё может быть...

Но и тема «прошлогоднего зерна» получила дальнейшее развитие.

В 2013 году Нефёдов публикует в «Вопросах истории»

материал под названием «О качестве дореволюционной урожайной статистики», где развивает свою аргументацию. Ссылаясь на опубликованную незадолго до того работу кандидата исторических наук Игоря Кузнецова «Российская дореволюционная урожайная статистика: методы критики», Нефёдов категорически утверждает: «Оказывается, в каждом текущем году вывозился урожай прошлого года. При характерных для юго–восточных губерний колебаниях урожаев сбор прошлого года мог быть в несколько раз больше текущего. Естественно, что и вывоз превосходил текущий урожай. При этом условия навигации по рекам были таковы, что основная часть урожая могла быть вывезена лишь весной следующего года, после вскрытия рек. «В отношении речных перевозок доля прошлогоднего хлеба, по–видимому, была подавляющей... – пишет Кузнецов. – Относительно железнодорожных перевозок трудно судить о процентных долях; транспортная статистика не даёт помесечной раскладки перевозок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.